

ВНЕБРАЧНАЯ ДОЧЬ ПРОДЮСЕРА

Книга доставит удовольствие всем любителям
РАЗГАДЫВАТЬ СЛОЖНЕЙШИЕ ДЕТЕКТИВНЫЕ КОМБИНАЦИИ.

«ВАШ ДОСУГ»

ЗНАМЕНИТЫЙ ТАНДЕМ РОССИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА } **АННА И СЕРГЕЙ**

ЛИТВИНОВЫ

Анна и Сергей Литвиновы
Внебрачная дочь продюсера

«ЭКСМО»

2008

Литвиновы А.

Внебрачная дочь продюсера / А. Литвиновы — «Эксмо», 2008

Студентка юрфака Олеся Евдокимова проработала в детективном агентстве Ника Кривошеева всего две недели, а он уже дал ей сомнительное задание: соблазнить известного кинопродюсера Брагина. Лесе без труда удалось увлечь стареющего ловеласа, и Брагин пригласил ее в свои апартаменты на Патриарших. Чтобы собраться с духом перед решающей частью дела, Леся убежала в ванную, а когда вернулась, то с ужасом обнаружила, что Брагин мертв! Кто-то незаметно проник в квартиру и так же незаметно покинул ее... Леся попыталась скрыться, но в подъезде ее окликнула консьержка. Теперь девушку наверняка обвинят в убийстве! Начав собственное расследование, Леся поняла – ее шеф Ник Кривошеев поделился с ней далеко не всей информацией...

© Литвиновы А., 2008

© Эксмо, 2008

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	23
Глава 4	31
Глава 5	39
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Анна и Сергей Литвиновы

ВНЕБРАЧНАЯ ДОЧЬ ПРОДЮСЕРА

Глава 1

Леся выключила воду. Сколько можно отсиживаться?! Пора.

Брагин, старый донжуан, уже заждался.

Стало слышно, как в гостиной во всю мощь вопит телевизор. Судя по разухабистой музычке и взрывам искусственного хохота, продюсер включил юмористическую передачу. Что-то вроде «Смешных и голых».

«Настраивается на любовь», – усмехнулась про себя Леся. Думает, что она уже у него в кармане и ему осталось привести себя в боевую готовность. Что ж, товарищ Брагин, скоро будут вам и смешные, и голые.

Леся накинула на плечи белоснежнейший махровый халат. Ванная в квартире Брагина оказалась прекрасно оборудована. Признаться, девушке еще ни разу не доводилось бывать в столь красивых *удобствах*. В огромной комнате, не меньше пятнадцати метров, даже окно имелось. Оно было затянуто жалюзи, но наполовину распахнуто. За ним угадывалась теплая июльская ночь.

Внутри блистали краны и фаянс от «Villeroy & Boch», лежали стопочкой ослепительные полотенца. Ровными рядами стояла косметика, и никаких тебе пошлых «Хэд энд Шолдерсов» – сплошные «Кензо», «Живанши», «Диор». На вешалке – свежие махровые халаты разных размеров. Словом, в ванной продюсера имелось все, что нужно, и для роскошной жизни, и для визитов случайных любовниц. Таких, как она.

Леся посмотрелась в зеркало. На нее взидало юное, прекрасное лицо. Точеный носик, высокий чистый лоб, ни единой морщинки. Волосы до плеч – светлые, естественные, не порченые ни граммом краски.

Однако в глазах застыл страх. Даже не страх – ужас.

И ладони вспотели. И сердце колотится – как минимум, сто ударов в минуту.

Но она сама решила. И поздно ругать себя: «Зачем?!» Она уже прошла почти весь путь. Да нет, не три четверти, а гораздо больше. Осталась самая малость. Всего две-три неприятных минуты. НЕПРИЯТНЫХ? И только? Не слишком ли слабо сказано?

Пора, пора! Сердце заколотилось еще сильнее. Казалось, оно вот-вот выпрыгнет из груди.

«Может быть, я просто мазохистка? – подумала Леся. – Говорят, так бывает: человек снова и снова берedit собственную рану... Может, это мое дурацкое подсознание подталкивает меня к пропасти? К той самой пропасти, куда я уже однажды свалилась? Может оно, темное „я“, живущее во мне, желает повторения прошлого ужаса?..

Но я-то!.. Я-то сама!.. Я, Леся, этого не хочу!..

Хватит самоанализа! – оборвала она себя. – Я не в центре психологической помощи... Или как оно называлось, то заведение, куда меня тогда таскала мама?.. Ужасно не хочется, но надо, наконец, отсюда выйти...»

Из сумочки, которую она оставила на стиральной машине, Леся вытащила мобильник. Сигнал приема максимальный, блокировку кнопок она сняла. Последним набранным номером значится тот, что вот-вот ей снова понадобится. Телефон Ника. «Скорая помощь» и пожарная команда в одном лице.

Последний раз она набирала его полчаса назад. Вызвала и через секунду сбросила. Как раз тогда они с продюсером вышли из ресторана и вышагивали по ночным Патриаршим. Будем

надеяться, что Ник принял ее звонок и уже наготове. Правда, когда они с Брагиным входили в подъезд, машины Ника Леся не заметила. Остается верить, что он все-таки успел приехать.

«Да, мобильник – мое единственное оружие.

Мой спасательный круг».

Девушка переложила мобильник в карман халата.

Руки, державшие телефон, вполне отчетливо тряслись.

Но делать нечего, надо идти. Пока она свое задание заперола. Или, как выражались ее однокурсники, *накосячила*. Отчасти из-за того, что не увидела машину Ника у подъезда. Но главное, потому, что не смогла переступить через себя, ничего с собой поделывать.

Когда они с Брагиным вошли в его квартиру, все пошло совсем не так, как было задумано и условлено с Ником. Продюсер попытался обнять Лесю. И вот уже *тогда* ей надо было послать сигнал напарнику. Однако стоило Брагину коснуться ее, Леся едва не хлопнулась в обморок. Ник-то думал, что она обычная девчонка, которая, может, даже получит удовольствие от объятий сильного и богатого мужчины.

Но Леся не была *обычной*.

От ужаса и отвращения она едва не потеряла сознание. Она отстранила продюсера и прошептала: «Я скоро». А потом, вырвавшись из его рук, бросилась в ванную, заперлась на защелку и привалилась к двери спиной, тяжело дыша.

Правда, хватило ума крикнуть через дверь: «Сейчас я приду!» Оттягивая неизбежное, она пустила воду из обоих кранов, а потом стала медленно раздеваться.

Душ немного успокоил ее. И отменил неизбежную прелюдию. Теперь, когда она выйдет к Брагину в халате на голое тело, вряд ли продюсер станет тянуть резину.

Но хватит ли у нее сил опять пережить его объятия?

Леся глубоко выдохнула и отперла ванную. Ор телевизора стал слышнее. Сильнее забилося сердце. Сознание точно сузилось, превратилось в луч прожектора. Все, что оказывалось на периферии зрения, терялось во мгле. Девушка проскользнула к входной двери, проверила – она, слава богу, осталась незапертой. Значит, Ник сможет ворваться в квартиру. Оставалось молиться, чтобы ее объятия с Брагиным к тому моменту не зашли слишком далеко.

Леся вошла в гостиную, которая отделялась от прихожей не дверью, а аркой в стене. Звук телевизора стал еще громче – он прямо-таки болью отдавался в ушах. А в висках бешено колотилось сердце.

Аура, царящая в комнате, ей сразу чем-то не понравилась. Леся обвела взглядом все вокруг. Распахнуто окно, июльская ночь дышит теплом, раздуваются занавески. В одном углу настоящий камин – однако не растопленный по случаю лета. Над ним – плазменный кричащий экран с мелькающими телами. Оттуда неслась бравурная музыка и через равные промежутки времени доносился бешеный хохот. С плоским телевизором диссонировала антикварная мебель: диван на гнутых ножках, стол, два кресла, гобелены. На столе в стиле барокко – бутылка виски, ведро со льдом и один полупустой стакан.

И тут Леся перевела глаза вниз и увидела ужасное. То, о чем подсознательно догадалась, едва вошла в гостиную.

Продюсер покоился на полу в неестественной позе: навзничь, рука вывернута и лежит на груди ладонью вверх, и голова тоже странно запрокинута... А вокруг тела на белом ковре расплывается красное пятно...

* * *

Сколько потом Леся ни напрягала память, она не могла вспомнить, что конкретно и в какой последовательности делала, обнаружив труп продюсера.

Кажется, она кинулась в ванную и переделалась в свою одежду: чулки, офисный костюм, блузку, туфли.

И не забыла переложить мобильный телефон из кармана халата в свою сумочку.

И еще – стерла со всех поверхностей, которых она касалась или могла касаться, отпечатки пальцев: дверные ручки, раковина в ванной, стиральная машина. Что еще? На всякий случай кафель на стене – кажется, она дотронулась до него ладонью.

Будет ужасно, если микрочастицы ее одежды или волосы останутся на одежде продюсера и эксперты сумеют их идентифицировать. Впрочем, их объятие в прихожей было настолько мимолетным, что вряд ли они успели обменяться хотя бы десятком молекул...

Странно, но в тот момент Лесе казалось, что она совсем не ошарашена, не паникует и ведет себя очень спокойно.

Больше того, у нее достало сил осмотреть тело и орудие преступления. Все-таки она – будущий юрист. Леся даже стала мысленно составлять протокол осмотра места происшествия: «Тело мужчины, на вид пятидесяти лет, лежит на полу на спине... Осмотр производится в ночное время при искусственном освещении...»

Леся сбилась. Однако все равно в памяти отпечатался – наверное, навечно – вывод, который она успела сделать: продюсер Иван Арнольдович Брагин убит несколькими ударами острого колющего предмета... А рядом с телом на белом ковре валяется и сам этот предмет – пика из каминного набора, предназначенная для помешивания углей... Орудие убийства испачкано кровью...

Странно, но после того, как она обнаружила тело, Леся почему-то перестала бояться. Наоборот, почувствовала странное спокойствие и удовлетворение. Она ощущала необыкновенную легкость, словно Брагин, столь удачно погибнув, избавил ее от необходимости совершить нечто ужасное...

А потом, когда Леся решила, наконец, убраться из квартиры, она отступила из гостиной в прихожую и заметила на полу предмет, который (в этом она была абсолютно убеждена) отсутствовал там, когда они с продюсером вошли в квартиру. Ровно на том самом месте Брагин попытался ее обнять, Леся, вырываясь, глазела в пол. В тот момент он был девственно-чист, а теперь там появилось *нечто*.

Леся нагнулась. На полу валялись ключи. Никакого брелока, скромное колечко, и на нем два простеньких английских ключа. Откуда они здесь взялись? Вряд ли их уронил Брагин. Она их тоже не роняла.

Леся достала из сумочки темные очки в кожаном футляре. Вытряхнула очки, нагнулась, авторучкой подцепила ключи за кольцо и опустила их в футляр.

Несмотря на то что руки дрожали, операция удалась ей с первой попытки. Леся не знала, зачем похищает с места преступления важную улику, но почему-то чувствовала, что должна это сделать.

* * *

Девушка толкнула локтем квартирную дверь и очутилась на помпезной, отделанной мрамором лестничной площадке второго этажа. Вышла и ударом ноги притворила дверь. Вызвала лифт. (При этом опять-таки нажала на кнопку не пальцем, а локтем и порадовалась собственной предусмотрительности.) Квартира располагалась всего-то на втором этаже, но сюда они поднимались на лифте, а где в доме находится лестница, Леся не знала и не стала ее искать.

Открылись двери лифта: алюминий, зеркала. Леся со страхом взглядела в свое отражение. Пятен крови (и других примет преступления) на одежде нет, и выглядит она неплохо. Даже лучше, чем полчаса назад, когда она отразилась в том же самом зеркале в компании с седым продюсером. Только сейчас глаза слегка сумасшедшие, загнанные, растерянные.

Кнопку Леся нажала сквозь бумажный носовой платок. Лифт тронулся, через три секунды остановился на первом этаже, и девушка покинула кабину.

В своей будке в холле сидела консьержка. (Господи, Леся совсем забыла про нее! Она даже не знала, находилась ли та в своей будке в тот момент, когда Леся с Брагиным заскочили в подъезд... Кажется, продюсер ни с кем не здоровался... А может, он просто кивнул привратнице, а Леся кивка не заметила – как не заметила саму вахтершу...)

Консьержка уставилась на спускающуюся Леся и принялась (старое лицо, брылы, сильные очки-лупы) пристально ее разглядывать.

Под ее испытующим взглядом Леся на миг почувствовала себя Раскольниковым – в тот момент, когда после убийства старух он прячется в каморке, а ручка дергается, и дверь вот-вот готова податься...

Консьержка довольно приветливо спросила:

– Что, уже уходите?

«Значит, она видела меня! Видела, как я входила сюда вместе с Брагиным!»

Леся, полумертвая от страха, пробормотала:

– Да, я вот только взяла ноты и домой.

«Ноты! Какие ноты?! Почему вдруг всплыли эти проклятые ноты?!»

– А Иван Арнольдович остался?

«Да, да, привратница видела меня и уже связала с Брагиным! То есть с УБИТЫМ Брагиным».

Леся оцепенела, однако насколько могла беспечно ответила:

– Да, конечно, он наверху!

«Он там, наверху, мертвый».

Она сбежала по лестнице к подъездной двери.

«Господи, – подумала Леся, – теперь я – подозреваемая номер один. Я вошла с продюсером, живым и здоровым. А через полчаса вышла – оставив в квартире труп».

* * *

Леся шагнула в летнюю Москву.

Стало прохладней, горели фонари, у тротуара было припарковано много машин. В основном весьма понтовые: «Порше», «Ягуар», «Рейнджровер». Среди них притулилась «Королла» Ника. За темными стеклами угадывался силуэт детектива.

Леся не пошла к машине напарника. Она повернула в другую сторону и устремилась туда, где шумело и переливалось огнями Садовое кольцо.

Леся заметила, что ее бьет дрожь. Рука мертвой хваткой стискивала ремешок сумочки. Увидел ли ее Ник? Она не знала и ускорила шаг. Ей совсем не хотелось с ним общаться. Больше того: сейчас она его боялась.

За спиной взревел двигатель авто. Леся пошла еще быстрее.

«Королла» Ника обогнала ее и, взвизгнув тормозами, остановилась, застопорив движение в переулке.

Ник выскочил из машины и бросился к девушке.

Леся побежала прочь от него, все дальше по улице, в сторону шумной Садовой.

Ник догнал ее и цепко схватил пальцами за локоть. Резко развернул лицом к себе. Прошипел:

– Куда это ты?!

– Пусти! – выкрикнула она и попыталась высвободиться.

– Ты что, сбрендила?

Позади машины Ника, перегородившей проезд, остановился джип и досадливо забиби-кал. Сыщик обернулся в сторону внедорожника и выкрикнул:

– Минутку!

Воспользовавшись заминкой, Леся попробовала вырваться. Но пальцы Ника не выпустили ее предплечья – сто процентов, останутся синяки.

– Пусти!

Частный сыщик спросил почти ласково:

– Что случилось, Леся?

– Ничего! Дай пройти!

Ник вспыхнул:

– Что ты творишь?! Давай быстро в машину!

Незаметным движением Ник завернул Лесе руку за спину. Движение вряд ли было заметно со стороны, однако оно оказалось эффективным – детектив недаром оканчивал школу милиции. Леся почувствовала в руке непереносимую боль – а Кривошеев повлек ее в сторону своей машины, и она не могла не подчиниться.

Однако тут водитель джипа, которому мешала «Королла» Николая, открыл дверцу и выпрыгнул на асфальт. Обратился к Лесе:

– Эй, девушка, что случилось?

– Все в порядке, – отмахнулся от мужика Ник.

– Я не тебя спрашиваю, – угрожающе бросил джиппер. – Пусть она скажет.

– Все хорошо, – с трудом выдавила Леся. Еще не хватало, чтобы мужики передрались – здесь, в непосредственной близости от места убийства.

Водитель джипа, борец за справедливость, крикнул Нику:

– А ну-ка отпусти ее!

– Да ладно, братан, – примиряюще бросил сыщик. – Девчонка просто выпила лишнего и решила побузить.

Он отпустил Лесю и поднял обе руки над головой.

– Вот, я ее не трогаю, она уже сама успокоилась. Верно, милая? – обратился он к ней.

На этот раз Леся не бросилась наутек. Не надо привлекать к себе внимания. Хватит сцен! Все равно ей придется объясняться с боссом – почему бы не сейчас?

Она повернулась к участливому шоферу и изобразила подобие улыбки.

– У нас все нормально, – проговорила она, – извините, что помешали, мы сейчас уезжаем.

Плечом к плечу с Ником она проследовала к «Королле». Сыщик, словно истинный кавалер, поддерживал ее под локоть. Распахнул перед ней пассажирскую дверцу, но сперва, прежде чем она села, протянул руку и переложил фотоаппарат с переднего сиденья на заднее. Потом помог Лесе усесться. У нее еще достало сил сделать ручкой водителю джипа.

Зря она побежала. Объясняться с начальником все равно пришлось бы. А он опытный человек и, наверно, сможет ей помочь. Если только он не... Мысль была настолько страшной, что сознание даже отказалось додумать ее до конца. Однако Леся себя заставила: «Может быть, Ник меня подставил? И он замешан в убийстве?..»

Частный сыщик обошел машину, сел за руль и с пробуксовкой сорвал «Короллу» с места.

Следом поплыл успокоенный джип.

Через минуту «Королла» вывернула на Садовое, где, несмотря на поздний час, текло множество машин. Джип отстал и потерялся среди них.

– Что случилось, Леся? – участливо поинтересовался частный детектив.

Леся пробормотала:

– Он мертв.

– Что?!

Машина Ника дернулась. Кажется, он инстинктивно нажал на тормоз. Сзади досадливо засигналили. Удивление сыщика выглядело настолько естественным, что Леся почти поверила ему.

Она безучастно повторила – ее потихоньку охватывала апатия:

– Брагин мертв. Его убили.

Ник плотно сжал губы. Он перестраивался сквозь поток, чтобы попасть в туннель под Садово-Триумфальной. Потребовал:

– Ну-ка, давай выкладывай. Все по порядку.

Леся промолчала. Ей не хотелось говорить о том страшном, чему она только что стала свидетелем.

Сыщик не настаивал на ответе. Кажется, он понял, что девушка не в себе.

«Королла» промчалась по туннелю под площадью Маяковского и стала забирать вправо. На секунду Лесе показалось, что детектив хочет отвезти ее прямо на Петровку, 38. А что, бывший мент наверняка может.

Однако здание ГУВД осталось позади. Ник повернул налево, на бульвар, и там наконец остановил машину.

Бульвар был хорошо освещен и пуст. Ни единого человека вокруг, лишь лимузины пролетали мимо да с завыванием промчался ночной троллейбус.

Детектив достал из бардачка фляжку. Протянул ее Лесе.

– Пей!

Она покачала головой:

– Не хочу.

Ник отхлебнул из фляги, поморщился и протянул ее девушке.

– Пей. Как лекарство. Тебе надо расслабиться.

Леся взяла баклагу и сделала несколько глотков.

Горячее крепкое пойло обожгло ей небо, горло, желудок.

Она закашлялась.

– Что это?

Детектив самодовольно ухмыльнулся:

– Оригинальный рецепт Ника Кривошеева. Незаменимо для ночных засад. Одновременно расслабляет и тонизирует. Хочу продать рецептуру какому-нибудь водочному концерну. Как думаешь, миллион заплатят?

Беспечный тон Ника и его пойло сделали свое дело. Леся наконец-то расплакалась.

Сыщик не трогал ее, не утешал, только достал из бардачка пару бумажных платочков и протянул ей.

Когда Леся более-менее успокоилась, он извлек из-под сиденья бутылку минералки – положительно, в машине детектива имелось все необходимое для долгого автономного плаванья.

Девушка жадно напилась, а потом стала спасать перед зеркальцем, вмонтированным в солнцезащитный козырек, свой изрядно пострадавший макияж.

Приведя себя в относительный порядок, стала рассказывать о том, что сначала все шло по плану. События развивались даже стремительней, чем они рассчитывали. Брагин запал на нее и довольно быстро предложил пойти к нему домой «посмотреть гобелены», и она, конечно же, согласилась, потому что только того и добивалась. Они вышли из ресторана и пешком отправились в дом продюсера на Патриарших. Едва они вошли в квартиру, Брагин обнял ее, однако она вырвалась и убежала в ванную, а когда минут через двадцать или, может, тридцать вышла оттуда, то увидела...

Пока она рассказывала, частный сыщик буравил Лесю своими глазками.

Ник Кривошеев был симпатичным парнем, только лицо его уже успело слегка оплыть. Ему немного за тридцать, а над ремнем свисает изрядный животик. И еще – слишком много ментовских ухваток. Однако две недели назад, когда Леся сдала летнюю сессию и пришла наниматься к нему в помощницы, он показался ей надежным и благородным...

– Может, Ник что-нибудь придумает?

Леся рассказала, как вышла из ванной и увидела труп. Повела о ранах, и об орудии убийства, и о том, что постаралась не наследить и стерла отовсюду отпечатки своих пальцев... Только о найденных ключах промолчала, сама не могла понять почему. Кривошеев слушал невозмутимо, а когда она кончила, спросил:

– Когда вы с продюсером пришли на квартиру, Брагин запер входную дверь?

– Нет. Все, как ты просил. Я постаралась отвлечь его. Дверь оставалась незапертой. Во всяком случае, пока я не пошла в ванную.

– А зачем ты туда отправилась? Мы так не договаривались.

В глазах девушки мелькнули растерянность и страх.

Совершенно невозможно выложить ему всю правду.

Леся пробормотала:

– Когда мы входили в подъезд, я не заметила твоей машины. Я побоялась, что ты опоздал.

Ник быстро спросил:

– Что ты делала в ванной?

Простой вопрос заставил Лесю задуматься. И правда, что она там делала? Она не могла вспомнить. Казалось, целых двадцать минут бесследно улетучились из ее памяти. Девушка отвела глаза.

– Я принимала душ, – брякнула она.

– Неправда, – покачал головой Ник.

– Почему это?

– Ты не смыла с себя косметику.

– Да, – призналась она, – я просто включила воду и... и переоделась...

Кривошеев не стал развивать тему. Спросил:

– Когда ты там была, что-нибудь слышала? Спор, голоса, крик? Может быть, шум борьбы?

Леся задумалась, старательно припоминая.

– Нет. Ничего. У меня там шумела вода. И потом – Брагин сразу включил в гостиной телевизор. Очень громко, и вот его я слышала.

– А когда ты выходила из квартиры, входную дверь заперла?

– Нет. У меня же не было ключей.

Детектив потерел свой нос, а потом выпалил:

– Ты убила его?

И уставился на нее маленькими пронзительными глазками. Леся опешила и похолодела, она не нашлась, что ответить, и тогда Ник в упор повторил:

– Ты убила продюсера?

В глазах у Леси полыхнул ужас.

– Нет!! – выкрикнула она.

– Почему – нет? – Сыщик пожал плечами, словно речь шла о вещах совершенно обыденных, и спокойно продолжил: – Все очень логично. Брагин привел тебя на квартиру и сразу же стал к тебе приставать. Ты сопротивлялась, а он настаивал, или сделал тебе больно, или оскорбил... И тогда ты потеряла контроль над собой, вырвалась из его объятий, схватила первое, что попало под руку, и нанесла ему удар по голове. Убийство в состоянии аффекта. Знаешь, дорогая Леся... – Кривошеев опять потерел нос и, так как она молчала, продолжил: – Я советую тебе прямо сейчас пойти в ментовку. И написать явку с повинной. Тебе дадут года три-четыре, на общем режиме. Неплохо для убийства.

Растерянность и страх затопили Лесю.

– Нет! – отчаянно воскликнула она. – Я не убивала его!

– Ты уверена? – переспросил босс.

– Говорю тебе: нет! – выкрикнула она.

– Ну что ж... – протянул Ник. Он опять подергал себя за нос. «Психологи считают, – отстраненно подумала Леся, – что этот жест означает: собеседник неискренен».

Частный сыщик сказал:

– Сейчас я отвезу тебя домой. И мы с тобой распрощаемся. Навсегда.

– В смысле? – нахмурилась Леся.

– В смысле – разбежимся. Я тебя не знаю, а ты меня. Мы с тобой никогда не встречались. Ясно? Аванс, так и быть, можешь оставить себе.

Глаза девушки наполнились слезами. В какой-то миг она показалась частному детективу бесконечно растерянной и запутавшейся. И почти сдавшейся. Он подумал, что сейчас она начнет молить его о помощи.

Однако... Лесе удалось взять себя в руки, и буквально через пару секунд выражение ее лица совершенно переменилось. Оно вдруг стало излучать решительность и даже ярость.

– Хотите отмазаться, товарищ Кривошеев?! – прошептала, нет, скорее прошипела Леся, заменив дружеское «ты» вежливо-ледяным «вы». – Желаете остаться в стороне? Будто вы тут и ни при чем? Не выйдет!

– Очень даже прекрасно выйдет, – хохотнул сыщик.

– Да? Однако если меня арестуют – а меня, наверное, рано или поздно арестуют, слишком многие видели, что я уходила из ресторана под ручку с продюсером... Так вот, если я попаду в милицию, расскажу им, почему я оказалась в квартире у Брагина! И – *кто* меня туда направил. И – *зачем*.

– Да болтай, что хочешь, – отмахнулся Ник, однако голос его прозвучал не столь уверенно, как раньше.

А Леся яростно продолжала:

– Вы, товарищ Кривошеев, подбили меня. И страховали внизу. Вы собирались нарушить неприкосновенность жилища. И закон о частном сыске.

Он усмехнулся.

– После того, как я расскажу о ваших методах, уж лицензию у вас отберут как пить дать, – добавила она.

– Да не волнуйся ты за мою лицензию, – хохотнул детектив.

Леся проговорила со сдержанным гневом, снова перескочив на «ты»:

– Мы с тобой в одной лодке, Кривошеев! И если меня задержат, я скажу ментам, что это *ты* убил Брагина .

Голос Леси звучал столь убежденно, что частный сыщик аж отшатнулся и пробормотал:

– Что за бред!

– Бред? Нет, чистая правда! – рассмеялась Леся. Растерянность детектива придала ей сил. Она стала вдохновенно импровизировать: – Дело было так: пока я отсидивалась в ванной, ты проник в квартиру продюсера. Входную дверь я, по предварительному сговору с тобой, оставила открытой. А ты вошел и нанес Брагину пару ударов по голове орудием убийства.

– Мели, Емеля! – усмехнулся детектив, однако голос его прозвучал растерянно.

– А я, – продолжала девушка, – расскажу, что из ванной комнаты слышала голоса мужчин. Один голос принадлежал убитому продюсеру, а другой – тебе, Кривошеев. И тогда я выглянула из ванной (ты не заметил, стоял ко мне спиной) и увидела, как ты, Ник, замочил Брагина!..

Детектив остолбенело глядел на нее. Он не мог поверить своим глазам: двадцатилетняя девушка, только что обнаружившая труп, находящаяся в диком стрессе, полностью уничто-

женная, плачущая, растерянная, вдруг словно воскресла. Что за наглость: она начинает угрожать – ему! Шантажировать – его!

– Поэтому, если уж меня будут судить за убийство Брагина, – победительно усмехнулась Леся, – я позабочусь, чтобы ты сидел на скамье подсудимых рядом.

– У меня не было никакого мотива убивать продюсера! – воскликнул детектив. Он хотел казаться высокомерным и ироничным, но в его голосе прозвучали растерянные нотки. – Я даже не видел Брагина ни разу в жизни!

– Значит, фотографировать меня в объятиях Брагина у тебя мотив был? Я послужила тебе отмычкой, чтобы ты проник в его квартиру. И ты по заказу его жены намеревался его скомпрометировать. Именно ты спланировал нашу операцию. Но, может, я знаю далеко не все? И ты хотел уничтожить Брагина не только морально? И это ты убил его?

На секунду Лесе показалось, что Ник ее ударит. Он даже вскинул правую руку, однако потом безвольно уронил ее на руль. А после отвернулся и долго смотрел в сторону, за окно машины. Девушка поняла, что первое противоборство с начальником она выиграла. И верно: он глянул на нее прищурясь и устало выдохнул:

– Что тебе от меня надо?

Леся улыбнулась и заявила:

– Я хочу, чтобы мы расследовали это дело вместе. Ты и я.

Ник высокомерно усмехнулся, однако она сделала вид, что не заметила его скепсиса, и добавила:

– Мы с тобой должны оправдать сами себя. А это можно сделать лишь одним способом – найти настоящего убийцу.

– Бред, – хмыкнул частный сыщик. – Ты, что ли, хочешь заказать мне расследование убийства Брагина? Да у тебя штанов не хватит со мной расплатиться.

Леся саркастически молвила:

– Ты хочешь, чтобы я заплатила тебе за твою свободу?

Ник задумался, а потом осторожно изрек:

– Я предлагаю другое. Я помогу тебе выбраться из города, а ты сваливай. Где ты там живешь? В Томске, Омске? Вот и уезжай, Сибирь большая, авось не найдут.

– Не выйдет, Ник, – покачала головой Леся. Теперь она чувствовала себя хозяйкой положения. – Ты сам прекрасно знаешь, что дома, у мамы, меня найдут быстрее всего. Спрячь меня здесь, в Москве.

Частный детектив задумался. Потом потерев кончик носа и бросил:

– Хорошо. Я постараюсь что-нибудь придумать.

– Прямо сейчас. Я не хочу возвращаться к себе в квартиру.

– О'кей. Договорились. Я тебя спрячу.

– И ты pomoжешь мне расследовать это дело.

– Блин! – хохотнул Ник. – Ты как в анекдоте: «Дайте воды напиться, а то так есть хочется, что переночевать негде!»

Олеся устало выдохнула. Ладно, пусть детектив для начала хотя бы спрячет ее. А там посмотрим.

– Хорошо, – молвила она, – вези меня в свое убежище.

Детектив повернул ключ в замке зажигания.

«Ты, Леся, – подумал он, – оказалась умней, чем я решил с первого взгляда. И сила воли у тебя есть. Однако ты еще очень молодая и совсем нестоличная. Поэтому так и будешь все время попадать впросак, пока московская жизнь тебя не обтешет. Если, конечно, с тобой не случится чего-нибудь похуже, чем история, в которую ты ухитрилась влипнуть».

«Королла» сорвалась с места и понеслась по пустынному ночному бульвару в сторону Мясницкой.

Глава 2

Ник подвез Олесю к офисному зданию на юго-восточной окраине Москвы. Место уже казалось ей почти родным. Две недели она каждодневно приходила сюда на работу и стала здороваться с привратниками и буфетчицами.

Отсюда она отправилась выполнять самое первое задание Ника – ей предстояло выследить злостного должника, который петлял по Москве, словно заяц, и каждую ночь менял лежки. И ведь Леся нашла его!.. И тогда частный детектив дал ей второе поручение, аморальное и попахивающее уголовщиной, зато хорошо оплачиваемое...

Припарковавшись у тротуара и выключив движок, Ник хмуро молвил:

– Сегодня перекантуешься в нашем офисе. А завтра я чего-нибудь придумаю.

Леся вылезла из машины. Сыщик взял ее под руку.

Они поднялись по ступенькам «стекляшки», в которой в былые времена размещалось целое НИИ. Сейчас ученые занимали в родном институте пару этажей из восьми. В прочих кабинетах разместилось целое полчище фирм. Их список занимал огромную доску в холле, а замдиректора НИИ, ведающий арендой, ездил на «Лексусе» и, как поговаривали, приобрел себе одиннадцать квартир. Их он тоже сдавал в аренду – найдя таким образом своё призвание в махинациях недвижимостью.

Когда Леся впервые явилась сюда полмесяца назад, ей сразу здесь понравилось. Некая добрая аура имела у НИИ – сохранилась, похоже, от прежних времен.

Частный сыщик Ник Кривошеев, будущий босс, тоже понравился девушке. Он сразу, по-свойски, перешел с ней на «ты» и разрешил, чтобы она ему «тыкала», – однако Леся почувствовала, что детектив вряд ли будет злоупотреблять служебным положением и ее домогаться. Она не могла объяснить, по каким конкретно признакам четко уловила сигнал: ему нужна не любовница, не сексуальная прислуга, а сотрудник. Глаза его при взгляде на Лесю оставались бесстрастными, и главную роль в том, что Ник взял ее на работу, сыграли, как поняла она, не длинные стройные ножки, а незаконченное (почти законченное!) высшее юридическое.

Леся не стала морочить себе голову, почему она как женщина сыщика не взволновала. Возможно, она не в его вкусе. А может, он влюблен. Или, допустим, счастливо женат. Нет – и слава богу. Легче будет вместе работать.

Только все равно вляпалась...

Ник долго звонил у ночной двери НИИ, покуда в стеклянном предбаннике не показался заспанный вахтер.

– Открывай, Федотыч! – постучал детектив в стекло.

Охранник взгляделся в полуночных посетителей, узнал Кривошеева и отпер двери.

– Не терпится? – спросил он сыщика, со значением глянув на девушку.

– Срочная работа, – буркнул детектив.

По взглядам, которыми они обменялись с вахтером, Леся поняла, что случилось, ох, случилось Нику таскать девиц по ночам на свое рабочее место. Значит, решила Леся, он: а) не свободен; б) жене изменяет. Ну и ладно, ей-то что.

Противно только, что ее приняли за гулящую, да еще с собственным начальником, да на рабочем месте... Леся постаралась не встретиться с охранником взглядом, но почувствовала, что краска заливает ее лицо. Она рассердилась и на Ника, и на вахтера с их дурацкими перемигиваниями. Лишь бы Кривошеев и в самом деле не стал требовать с нее *плату за ночлег*.

Они с детективом проследовали по темному холлу, поднялись по лестнице. Ночью коридоры НИИ выглядели совсем иначе, чем днем: зябко, загадочно, таинственно...

Офис Кривошеева находился на втором этаже в пристройке.

Ник отомкнул дверь, зажег свет.

В крошечном предбаннике размещались шкафчик для одежды и кожаный диван для посетителей. На столе теснились монитор, принтер, кофеварка – рабочее место, к которому за две недели успела привыкнуть Леся. Хотя и привыкать было особо некогда – Ник оказался либеральным начальником и совсем не требовал, чтобы она сидела в конторе от звонка до звонка. Говорил: главное – лишь бы дело делалось. Вот они вдвоем и натворили дел...

За фанерной перегородкой располагался кабинетик детектива. Весь офис, на двоих, занимал метров пятнадцать (как ванная в квартире у Брагина, непроизвольно подумалось Лесе).

– Вот тебе ключ. – Ник отцепил его от связки. – Завтра, когда будешь уходить, сдашь его на вахту. Да не забудь дверь запереть. А то, – он хохотнул, – и здесь труп не ровен час найдем...

Кровь бросилась Лесе в лицо.

– Уж как-нибудь запру, – пробормотала она.

– Ну, тогда спокойной ночи. А завтра, ближе к вечеру, я постараюсь придумать, где тебя схоронить. Да, чуть не забыл! Давай сюда твой сотовый.

– Зачем?

– Ты что, совсем девственная? Не знаешь, что менты первым делом проверяют все мобильные звонки из района места преступления?

«Да, – вспомнила Леся, – нам рассказывали... А ведь я, как только мы с продюсером вышли из ресторана, позвонила Нику... Кривошеев, оказывается, соображает...»

Леся достала телефон из сумочки, протянула его детективу.

– Забудь о нем. На тебе взамен чистый. – Он отомкнул сейф, вытащил оттуда другой телефон, а ее аппарат туда бросил.

– Номер я знаю, позвоню завтра, ближе к вечеру. Постельное белье в шкафу на нижней полке. Спи.

– Спасибо, Ник, – от души поблагодарила Леся.

– Завтра можешь гулять, где хочешь. Даже если менты обнаружат тело Брагина, они на тебя еще не выйдут... Пока осмотрят место происшествия да опросят свидетелей... В общем, как минимум сутки у тебя есть...

Ник озабоченно глянул на часы.

– Ну, приятных сновидений.

Он повернулся к двери.

– Ник, подожди!

– Что еще?

– Ник, а во сколько ты подъехал к подъезду Брагина?

Детектив нахмурился.

– Я на часы не смотрел.

– И все-таки?

– Колобки ведут следствие? Давай лучше спи. Утро вечера мудренее.

– Ник, пожалуйста!..

Он сдался.

– Я припарковался там минут за пятнадцать до того, как ты вышла.

– Значит, ты не видел, как мы с ним входили в подъезд?

Сыщик покачал головой:

– Нет.

– А пока ты стоял у брагинского подъезда, кто-нибудь выходил из парадного? Или, наоборот, входил?

Детектив развел руками.

– Не видел.

– Не может быть, Ник! Кто-то обязательно должен был выйти. И этот «кто-то» был убийцей!

- Может, и мелькал кто-то. Я не помню.
 - Мужчина или женщина?
 - Леся, пойми, я не вел наблюдения за подъездом. Я просто ждал твоего звонка.
 - Постарайся до завтра вспомнить.
 - Делать мне больше нечего. Давай спи.
- Он открыл дверь в коридор.
- Ник, подожди!
- Детектив обернулся, нахмурившись.
- Ну, что еще?
 - Спасибо тебе.
 - Наше вам с кисточкой, – буркнул он и вышел.

* * *

Леся прошла по предбаннику. Включила везде свет. Верхний, и настольную лампу, и светильник над диваном.

Прошла в кабинетик начальника, отогнула жалюзи и выглянула в окно. Окно снаружи было забрано решеткой. Как в тюрьме.

Леся зябко поежилась.

Будто бы она уже в тюрьме.

Зарешеченное оконце выходило на задний двор НИИ. В центре двора валялось огромное ржавое железное чудовище, успевшее зарости сорняками. Рядом лежал раздолбанный деревянный контейнер. Тусклый свет единственного фонаря, ни души, и птички не поют... Кажется, что Леся одна во всей Вселенной...

Девушка вернулась в предбанник и уселась за секретарский стол. Спать совершенно не хотелось. Да она и не сомневалась, что все равно не сможет заснуть. Эх, надо было попросить у Ника, чтобы он оставил свое пойло. Сам он не догадался предложить, а ей сейчас не помешало бы снять стресс.

Леся не чувствовала ни страха, ни волнения, ни раскаяния. Не испытывала к убитому жалости и сострадания. Наоборот, ощущала облегчение и радость.

Да, да, облегчение и радость! «Почему?» – спросила она себя, задумалась на минуту и честно ответила: «Оттого, что не потребовалось корчиться в объятиях Брагина и, преодолевая дикое отвращение, считая секунды, ждать, пока не подоспеет Ник с фотоаппаратом... Стыдоба...»

Правда, мертвый продюсер доставил ей гораздо больше проблем, чем живой...

Кто же и почему его убил?

Как убийца проник в квартиру, понятно: Леся постаралась, чтобы входная дверь осталась незапертой... А как преступник попал в подъезд, ведь внизу дежурила консьержка? И как вышел из него, не замеченный Ником?

Леся вдруг поняла: Кривошеев, возможно, поможет ей расследовать убийство. Но он не станет проявлять никакой инициативы. Частный сыщик не замешан в убийстве столь серьезно, как она. И вообще он лентяй и не любит работать. Но если Леся станет терзать его... подгонять... заставлять... выспрашивать... Так, как она делала сегодня... Тогда он, возможно, будет пошевеливаться...

Однако все равно инициатива должна исходить от нее. Как говорится, спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Но с чего ей начать свое расследование?

Леся включила компьютер. Почти машинально. Будто монитор, как волшебное зеркальце, способен дать ответ на любой вопрос.

В офисе Кривошеева, несмотря на то, что сам сыщик Интернет не жаловал, имелась выделенная линия. Леся за две недели работы на детектива уже успела насладиться халявной Сетью. Писала по «мылу» друзьям и маме, а с теми однокурсницами, что остались на лето в Москве, чатилась в «аске» (правда, только когда Ника не было в офисе; он кукования ай-си-кью на дух не переносил).

Леся вышла в Сеть и задала в поисковике словосочетание «продюсер Брагин». Она на миг зажмурилась – вдруг сейчас вылезет десяток сообщений: «зверски убит продюсер Брагин... продюсера Брагина вечером в субботу убили в его квартире на Патриарших...»

Но, слава богу, смерть кинематографиста еще не стала достоянием Сети.

Последняя ссылка на Брагина оказалась двухнедельной давности: «...Продюсерский центр БАРТ приступил к съемкам нового сериала „Лунный круг“ (сопродюсеры – И. Брагин, Э. Райтонен)...»

Леся решила – кто знает, когда она сможет войти в Сеть в следующий раз, – заняться тем, что нужно было сделать раньше. А именно: изучить личность Брагина. Когда она собиралась соблазнять продюсера, ограничилась тем, что рассмотрела его фотку, чтобы безошибочно потом опознать. Ей хватило циничного заявления сыщика, что «Брагин падок до юных баб, с ними не церемонится, немедленно после знакомства ведет к себе на квартиру». После такой рекомендации Леся почувствовала к продюсеру отвращение, и ей захотелось немедленно отказаться от задания, но деньги ей Ник пообещал немаленькие: пятьсот долларов аванса и еще тысяча премии. А ей обязательно нужно было за лето заработать столько, чтобы обеспечить себя на весь учебный год. Чтобы хватило и жилье снимать, и на питание... И иногда хотелось покупать себе новые вещички, желательнее в магазинах, а не на рынках. За лето ей надо заработать четыре тысячи долларов. Или хотя бы три. А обыденная секретарская работа у Ника в офисе принесла бы ей до первого сентября всего полторы штуки.

Может, уговорила она себя, прав был император Веспасиан и деньги и в самом деле не пахнут. И пять минут позора в руках продюсера – до того момента, пока не подоспеет Ник со своей камерой, – стоят целого семестра спокойной учебы, когда живот не подводит от голода... Ник обещал, что снимать ее будет только сзади... «А если попадется фото, где ты узнаваема, я его сотру немедленно, мне показывать его смысла нет. Ты, Леська, даже и не волнуйся...»

И она взялась за дело. Еще, кстати, и потому, что посчитала: не клюнет на нее продюсер, у него наверняка других девчонок полно. И его старлетки не ей чета: актриски, модельки, москвички... А оказалось – поди ж ты! – что Брагин запал на нее в первый же вечер, и вот как все обернулось...

Продюсер мертв. И Леся – подозреваемая номер один. А настоящего преступника, наверно, менты даже искать не будут. Спишут все на нее.

Если она, конечно, первой не вычислит подлинного убийцу.

Она вычислит убийцу... Ну, не смешно ли звучит? Кто она такая? Приезжая. Как раньше говорили, лимитчица. Студентка третьего (нет, пардон, уже четвертого) курса юрфака. Тоже мне, следователь по особо важным делам.

Но, с другой стороны, не боги горшки обжигают. И у нее самая сильная, чем у кого бы то ни было, мотивация к раскрытию преступления.

«С чего мы начнем, дружище Ватсон?» – спросила себя Леся.

Никаких помощников у нее не было. Она одна: и за Ватсона, и за Шерлока. И за Эркюля Пуаро, и за капитана Гастингса... Поэтому сама себе ответила: «Решили уже: с изучения личности жертвы...»

Леся прикинула к монитору. Просмотрела в поисковике все ссылки на «продюсера Брагина». Их оказалось до обидного мало, и были они весьма скупы.

Такая-то картина, спродюсированная Брагиным и Райтоненом, приняла участие в «Кинотавре». Такой-то сериал производства центра «БАРТ» начинает транслировать второй канал. Такой-то фильм Брагин заканчивает снимать с участием следующих актеров...

Создалось впечатление, что в мире кино убитый продюсер – фигура не очень заметная. Странно, а квартира у него в самом понтовом месте Москвы. Такое жилье миллионы стоит. К тому же, как сказал ей Ник, Брагин в квартире на Патриарших, в общем-то, не живет, а в основном ее использует для свиданий и вечеринок (точнее, *использовал*). А постоянно проживает с супругой в загородном доме, на Новой Риге.

Неужели в мире кино крутится столько денег, что можно быть не самым известным продюсером – и все равно жить припеваючи? Или покойный Иван Арнольдович на чем-то другом свои бабки заработал?

На чем сколотил состояние Брагин, Интернет ответов не давал. Леся не нашла в Сети ни одной ссылки на интервью, данное продюсером, или, допустим, очерк про него. Не имелось также сенсационных желтопрессных публикаций. Ни одного дебоша или скандала с его участием. Судя по всему, Брагин предпочитал скрываться в информационном пространстве в глубокой тени – как разведчик в тылу врага.

В поисках информации Леся открыла сайт – энциклопедию современного российского кино. Здесь ей повезло больше. В энциклопедии кое-какие сведения о Брагине содержались – правда, по-прежнему весьма скудные:

БРАГИН ИВАН АРНОЛЬДОВИЧ, продюсер.

Родился в 1955 г. в г. Гатчина Ленинградской области. В 1982 г. окончил МГИМО. С 1985 по 1991-й – на дипломатической работе. С 1992-го занимается бизнесом. В кинобизнесе с 1999 года. В 2003 году совместно с Э. Райтоненом возглавил объединение «БАРТ».

Женат, имеет двоих сыновей.

С фотографии, которой иллюстрировалась заметка, на нее смотрел тот самый загорелый, мужественный, но пожилой тип, с которым она познакомилась сегодня на вечеринке в ресторане. И он немедленно намекнул, что готов дать ей роль в кино. И практически сразу же пригласил к себе домой...

Леся прошла по крохотной каморке. Водки нет. Значит, от паники и депресняка ее может спасти только работа. Она вернулась за стол и заставила себя заняться сетевой киноэнциклопедией.

За биографической справкой о Брагине следовала его фильмография. Леся просмотрела перечисление картин, спродюсированных убиенным. В фильмографии значилось около тридцати кинолент и сериалов. Оказалось, что пару из них, снятых на рубеже тысячелетия, Леся все-таки одним глазком видела. Неважные фильмы, серенькие... Все последние картины, начиная с 2003 года, Брагин, сообщила энциклопедия, спродюсировал совместно с Райтоненом.

Райтонен... В третий раз она уже встретила ссылки на него. Они с Брагиным в последнее время были партнерами. А партнер – это, знаете ли, такой человек, который бывает главным врагом. И случается, что именно компаньоны заказывают или сами убивают соратников...

Леся отыскала в энциклопедии статью про Райтонена.

Первым делом глянула на фотографию.

Она уже видела это лицо.

Да-да, сегодня в ресторане.

Он постоянно отирался рядом с Брагиным: невысокий блондинистый живчик... Он составлял разительный контраст с глыбоподобным, мрачноватым, малоповоротливым Браги-

ным. Райтонен много рассказывал, жестикулировал, смеялся. Леся заметила его богатую мимику и нервные артистичные руки.

В начале вечера эти двое были практически неразлучны. Чувствовали себя хозяевами на празднике жизни. Они не искали ничего общества – однако многие тянулись к ним. Подходили, кланялись, что-то рассказывали... Явно старались им угодить, рассмешить, понравиться...

Мог ли Райтонен заметить, как Брагин уходит с вечеринки в компании Леси? Мог ли пойти за ними следом?

Мог ли проникнуть в квартиру продюсера через дверь, оставленную Лесей открытой, и, пока она пряталась в ванной, убить партнера? И потихоньку удрать?

Да... Да... Да... Да...

Мог... Мог... Мог... Мог...

Да, Райтонен имел *возможность* убить. И даже, наверное, у него был *мотив* ... Налицо, как учит курс криминалистики, две самых главных составляющих для совершения преступления... Но какой у него мог быть мотив? Леся прочла в той же киноэнциклопедии биографию Райтонена. Она оказалась длиннее и звучней, чем у его компаньона.

РАЙТОНЕН ЭРИК РОБЕРТОВИЧ, актер, режиссер, сценарист, продюсер. Заслуженный деятель искусств России (2004 год).

Родился в 1972 г. в Ленинграде. Сын народного артиста СССР Р.Э. Райтонена. С 1987 г. снимается в кино. В 1994 г. окончил актерский факультет ВГИКа. Автор сценария и режиссер фильмов «Девятый вал» (1996), сериалов «Незнакомец в зеркале» (1999), «Жесткие улицы» (2000), «Тройной агент» (2001). В качестве продюсера снял картины (*далее следовал длинный список работ*). С 2003 года совместно с И.А. Брагиным возглавляет объединение «БАРТ».

Судя по биографии, Райтонен достиг большего в кино, чем Брагин. Эрик Робертович и моложе, причем на целых семнадцать лет, чем Иван Арнольдович, и явно красивее. Он и актер, и заслуженный деятель... Если кто кому в этой паре и завидовал, то скорее Брагин – Райтонену, а не наоборот... Как бы ей это узнать? И подобраться к тому же Райтонену?..

Леся оторвалась от компьютера. Небо за зарешеченным окном – видно было даже сквозь жалюзи – из черного превратилось в синее. Стали просыпаться и покрикивать птицы. Девушка потеряла глаза и вдруг почувствовала смертельную усталость – только бы до дивана доползти.

Достала из шкафа постельное белье. Взяла подушку и плед. Простыню с пододеяльником, не самые свежие (видимо, Ник их уже пользовал, и хорошо, если в одиночестве), стелить на диван для посетителей не стала, побрезговала. Сбросила туфли, разделась и, укрывшись пледом, свернулась на диване калачиком.

А сон, пока она приготавливалась, куда-то сбежал... Перед глазами предстало лицо Брагина – еще живое: глыбистое, тяжелое, с плотоядной улыбкой... Потом возник Райтонен – веселенький живчик с тщательно зачесанным белесым пробором... Его сменило лицо еще одного участника вечеринки – он первым обратил на Лесю внимание – благообразный старик, седой с лысиной, явный бабник... Он ей еще оставил свою визитную карточку... Как его, бишь, звали... Кажется, Борисоглебский... Он с самого начала, чуть ли не слюни пуская, запал на Лесю, но, когда к ним подошел Брагин, Борисоглебский уступил девушку без боя... Стал перед продюсером юлить и кланяться... Повел себя как сутенер, поставщик живого товара... А потом быстренько слинял, оставил Лесю с руководителем тет-а-тет...

И еще всплыло лицо актрисы... Да, точно, она актриса... Леся ее узнала, она помнила даму по какому-то сериалу... Маленькая, черной масти, и вся в черном, с большой бриллиантовой брошью на лацкане угольного пиджака... Как же ее фамилия?.. Неважно... А важно то, что, похоже, та актриса весь вечер искала общества Брагина и бросала в его сторону жгучие

взоры – однако сама к продюсеру так и не подошла... А он тоже ни разу к ней не приблизился... Зато когда Брагин остался тет-а-тет с Лесей и начал любезничать, женщина в черном смотрела на них со жгучей ненавистью... Да-да, она прямо-таки полыхала злобой... Такой концентрации злости Леся давно не видывала...

Что же получается, вдруг пронзила Лесю мысль, не только Райтонен, но и та актриска тоже могла последовать за ними? И проникнуть к Брагину домой? И нанести ему смертельный удар? И то же самое мог сделать Борисоглебский?.. И вообще любой участник вечеринки?

«Надо найти в Интернете ту актрису, – подумала Леся... – И узнать, что такое Борисоглебский... И вообще, я не выключила компьютер...»

Но уже лень было вставать, и мысли рвались, путались, истончались... Идея о том, что надо больше узнать об актрисе и Борисоглебском, вдруг предстала в сознании в виде шнура, на который были нанизаны компьютерные ярлыки – графические изображения файлов... А потом этот шнур превратился в толстый резиновый шар, который мягко налетел на нее, и она уснула...

* * *

Утром на грани яви и сна Леся первым делом вспомнила, что недоделала вчера в Интернете.

Актриса со злым лицом и сценарист Борисоглебский. Эти двое первыми всплыли в ее сознании, едва она проснулась.

Солнце заливало офис. За окном, на заднем дворе НИИ, оголтело чирикали воробьи и с достоинством орали вороны.

Леся глянула на часы – простенькие пластиковые «свотч»; вчера на кинотусовке она весь вечер старательно прятала их за обшлагом блузки. Четверть одиннадцатого. Давно пора вставать и мотать отсюда.

Но сперва следует привести себя в порядок.

Леся оделась и прошла пустынными воскресными коридорами НИИ к туалету. Умылась. Собственное лицо Леся оценила на твердую четверку: укладка примята, но хотя бы морщин не появилось. И даже тени под глазами только добавляют романтичности. Но кофточка и юбка пожеваны. И левая туфля из только что купленной пары натирает – вчера, под воздействием стресса, она боли не замечала, а сегодня прямо ступить невозможно.

Однако в целом неплохо. Главное – не терять позитивного настроения и воли к победе. И тогда все у нее получится.

Очень хотелось выпить кофе, съесть булочку или бутерброд – но буфет в НИИ, ясное дело, закрыт: воскресенье. Надо выбираться на улицу. А перед этим закончить свои изыскания в Интернете.

Леся вернулась в помещение детективного агентства.

Компьютер печально подвывал, запустив на экран хранилища, золотых рыбок. Леся согнала их движением мыши и – зачем она только это сделала? – открыла главную страницу поисковой системы. И сразу же ей бросилось в глаза сообщение в блоке новостей:

«ИЗВЕСТНЫЙ ПРОДЮСЕР ИВАН БРАГИН ЗВЕРСКИ УБИТ В СВОЕЙ КВАРТИРЕ НА ПАТРИАРШИХ».

Заголовок словно хлыстом ударил Лесе по глазам. Она даже отшатнулась от монитора. В кровь в бешеной дозе выплеснулся адреналин, и немедленно захотелось заорать, забиться, помчаться куда глаза глядят!..

Леся сказала себе: «Стоп!» Закрыла лицо руками. Опустилась в кресло. Попыталась успокоиться. «Это тебе ничего не даст, – сказала она себе. – Ты должна быть спокойной, хладнокровной и упрямой. В современном мире побеждает не тот, кто быстрее бежит и сильнее

бьет. Выигрывает тот, кто хитрее, кто владеет большим количеством информации и умеет ею толковой распорядиться».

И Леся заставила себя придвинуться к монитору и открыть сообщение, что шло первой строкой в колонке новостей.

Казалось, в Сети не нашлось ни одной новостной ленты, где не сообщили бы о гибели Брагина. В сводке имелось несколько десятков заметок, самая первая датировалась половиной седьмого утра.

Леся заставила себя проглядеть сообщения. Все они оказались однотипными и о самом убийстве извещали крайне скупое: «В квартире на Патриарших прудах, принадлежащей известному продюсеру Ивану Брагину, обнаружено тело хозяина... Предположительно, смерть наступила в результате нескольких ударов по голове металлическим предметом... Ведется следствие...»

Далее практически во всех заметках пересказывалась биография продюсера, передранная, похоже, из той же киноэнциклопедии, которую вчера изучала Леся. И ни одно информагентство не извещало о возможных подозреваемых в убийстве. Никто не упоминал, что продюсера видели вчера с белокурой девушкой лет двадцати... Журналисты отделивались меланхолическими замечаниями: «Отрабатывается несколько версий случившегося, в том числе убийство на бытовой почве...»

И только одно крупное бизнес-агентство демонстрировало осведомленность: «В числе прочих рассматривается версия, связанная с бизнесом покойного. Начиная с 2003 года Брагин свернул практически все направления деловой активности, за исключением связанных с кино. Помимо продюсерского центра „БАРТ“, занятого производством кино- и телефильмов, ему принадлежали несколько крупных кинотеатров в Москве, Санкт-Петербурге и Самаре. Постоянным партнером Брагина по бизнесу являлся известный актер и режиссер Эрик Райтонен. В последнее время среди кино-бизнес-тусовки поползли слухи о непримиримых противоречиях между двумя партнерами и о возможном их скором „разводе“. Поговаривали, что Брагин добивается крупного финансирования из госбюджета – для производства нескольких блокбастеров патриотической направленности. Считалось, что речь идет о суммах, доходящих до 50 млн долларов. Однако его партнер Райтонен относился к приоритетам покойного скептически. Он публично выступал против бюджетных вливаний, полагая, что „БАРТ“ должен сохранить полную финансовую, а значит, и творческую независимость. Теперь, после убийства Брагина, судьба его киноимперии остается неясной. Кому отойдет принадлежавшая покойному доля и какую политику станет проводить оставшийся единолично у руля продюсерского центра Райтонен, остается только гадать...»

Прочитанная заметка оказалась единственной, сообщившей Лесе что-то новое. Она вывела ее на печать. Принтер заурчал и выплюнул испещренный мизерным шрифтом листок. Подпись под заметкой гласила: «К. СВЕТЛОВА».

«Не исключено, – подумала Леся, – что эта К. Светлова тоже присутствовала вчера в ресторане. Во всяком случае, разные журналюги и журналюшки там, судя по развязным манерам, напивались вместе с другими бартовцами...»

Она свернула листочек со статьей, сунула в сумочку и подумала: «Значит, имеется первая версия: убил Райтонен... А что, похоже на правду: бизнес-конфликт, непримиримые противоречия... Но трудно представить, что известный артист и продюсер крадется за мной и Брагиным по ночным улицам, а потом проскальзывает в квартиру, где его партнёр собирается предаться любовным утехам... И наносит ему удары кочергой... Хотя... Чего только в жизни не бывает, особенно когда дело касается больших денег...»

Статья, прочитанная последней, сослужила Лесе хорошую службу. Она успокоилась. Перестали дрожать руки, уже не хотелось нестись неведомо куда, спасаться...

Леся выключила компьютер, заперла дверь в офис, поставила помещение на сигнализацию и пустынными коридорами отправилась к выходу из здания НИИ.

Глава 3

«Чтобы выжить, ты должна измениться».

Лесе показалось, что кто-то рядом произнес эту фразу вслух. Она даже оглянулась. Но в вагоне воскресного метро ровным счетом никому не было до нее никакого дела. Расслабленные по случаю выходного москвичи ехали по хозяйственным делам и развлекаться. Натуральный глюк. Или внутренний голос. «И если так, *он* прав, – подумала Леся. – Я действительно должна перемениться. Стать другой. И не просто изменить свою внешность, а переродиться полностью».

Хотя убийство в ее жизни случилось впервые, желание вылезти из собственной шкуры, перелицевать ее, надеть заново и стать другой охватывало Лесю не первый раз. Сначала – когда она поступила в столичный вуз, и тогда, на волне эйфории от своего успеха, ей казалось, что вдали от дома, постылого города, грубых нравов жизнь ее станет совсем иной: солнечной, веселой, полной огня и интересных встреч.

И в первую же неделю столичного жития – еще даже первое сентября не наступило – она приняла приглашение «потусоваться» от одного милого и очень взрослого третьекурсника, работавшего в приемной комиссии. Однако ничего хорошего в итоге не вышло. Она еще смогла вынести его сопение в кинотеатре и даже руку у себя на плече, но вот его жаркое дыхание у щеки и попытка слюнявого поцелуя вывели Лесю из себя настолько, что третьекурсник получил, и пребольно, кулачком в лицо...

Когда она устроилась на квартире и начались лекции, Леся повторила попытку с красавчиком мажором (папа работает в генпрокуратуре, мама доцент, своя иномарка). Она надеялась, что переменится, не зря ведь говорят, клин клином вышибают, и еще было интересно – чисто научное любопытство, своего рода медицинский эксперимент, – до какого предела она сможет пойти. Пусть преодолевая отвращение, напрягая все силы, сдерживая себя – чтобы не закричать, не начать вырываться... Однако... После того, как Леся вынесла поцелуйчики в губы, ее кавалер вскочил с дивана и стал собираться.

– Что случилось, куда ты? – спросила она.

– Пойду себе резиновую куклу куплю, – с ехидной злобой бросил юноша, натягивая куртку.

– Что? – Лесе показалась, что она ослышалась.

– Она хоть не напрягается, как ты, – усмехнулся мажор на прощание. – Один тебе совет, Леська: расслабься, и люди к тебе потянутся.

Так она получила свой первый, но весьма болезненный столичный урок: Москва бьет с мыска. Здесь мягко стелют, да жестко спать. Тут никто тебя не поддержит – особенно если ты на *чужом* поле станешь играть в *чужую* игру.

Оставалось быть самой собой. Посвящать себя, как дома, книгам, кино, учебе. Вдыхать сладкий аромат библиотек. Писать блестящие рефераты. Четко, логично отвечать на семинарах.

И иметь ту же репутацию, что и в школе в родном городе. Среди всех зубрил и ботаников на факультете она считалась самой закоренелой. Отличницей. Правильной девочкой: никаких шпор, никаких рефератов, скачанных из Интернета. Она всего добивалась сама, своим умом, логикой и усидчивостью. Поэтому и не оставалось времени на разные глупости. Поэтому и стала Леся, чего уж там греха таить, в студенческой среде изгоем. Школьная история повторялась. От себя не убежишь. Она и в университете стала белой вороной. Уважаемым, порой даже достойным восхищения – но чужаком. Регулярной не-посетительницей клубов, дискотек, танцулек, вечеринок. Той, у кого никогда не бывает романов. Той, что решительно, резко и даже порой грубо посылает парней.

- Сходим в кино?
- Нет.
- Может, в кафе?
- Нет.
- Погуляем в парке?
- Ни в коем случае.
- Леська, попьем пивка?
- Нет.

Нет. Нет. Нет. Нет.

И когда парни приставали со своими дурацкими нудными «почему?»: «Почему не пойдешь, почему ты не хочешь?..» – что она могла им рассказать? Только неправду. И она отвечала: «Нет, и все». А про себя добавляла: «Потому что все бесполезно».

За ней (она слышала сама) закрепилась (наверное, не без участия ее второго, и последнего, кавалера, мажора) обидная кличка Ледышка. И еще: Фригидная. И – Рыба Ледяная. И если двумя последними прозвищами однокурсники награждали её в основном все-таки за глаза, то насчет Ледышки они практически не стеснялись. Леся сама не раз слышала: «Не, с Ледышки можно денег не просить, она все равно на тусняк не пойдет...»

Что ж, пусть будет так.

Лучше лед, чем грязь.

Лучше заморозка, чем боль без наркоза.

Анестезия предпочтительней, чем страдание...

Да и поди плохо: ни от кого не зависеть. Быть спокойной, уверенной, выдержанной, хладнокровной. Далеко не самые плохие качества для юриста...

Но вот вчера... В незнакомой и непонятной, блестящей и притягивающей киношной среде, где ни одна душа не знала о ней, Лесе удалось на один вечер стать иной. Интригующей, волнующей, притягивающей взоры. Обольстительной. Да что там говорить: вчера – как ни странно сие было, страшно и волнительно – она впервые в жизни, что называется, *сняла* мужика.

Словно какая-нибудь оторва. Девочка из эскорт-услуг.

– *Значит, вы студентка, – бархатисто молвил Брагин (седой Борисоглебский к тому моменту уже слинял, растворился в толпе гостей и оставил ее с продюсером наедине). – А какого вуза?*

– *А вы угадайте, – кокетливо улыбнулась она, обводя указательным пальцем свой бокал с шампанским.*

– *ВГИК?*

– *Нет.*

– *«Щука»?*

– *Мимо цели.*

– *«Щепка»?*

– *Опять в молоко. Вы плохо стреляете, Иван Арнольдич.*

– *Просто Иван, – он влажно, со значением посмотрел ей в глаза. – Когда нужно, я всегда попадаю точно в цель.*

Она заливисто засмеялась, словно откровенная гусарица в устах продюсера ужасно ее рассмешила...

Возможно, свою роль сыграла пара бокалов прекрасного французского шампанского, которое Леся, человек принципиально непьющий, специально выпила во время приема, для того чтобы раскрепоститься.

И ей – надо быть честной перед собой – было приятно (впервые в жизни приятно), когда Брагин на нее *повелся*. В тот миг Леся испытала новое, доселе незнакомое ей чувство. Стало страшно-приятно, приятно-страшно – будто бы судьба обещает ей, что очень скоро случится нечто хорошее...

Потом, правда, это чувство испарилось, и довольно быстро – особенно когда продюсер недвусмысленно предложил посетить его квартиру, чтобы «посмотреть гобелены»... Однако... Когда Леся кокетничала с Брагиным, а до того – полвечера флиртовала со стареньким Борисоглебским, она чувствовала себя совсем другой. Соблазнительной, пьянящей, сводящей с ума, радостной, искристой...

И уж никак не Ледышкой...

Но как ужасно кончился ее первый (и, наверное, последний) опыт соблазнения! Лесе снова представилось распростертое на белом ковре безмолвное тело продюсера, и она почувствовала, как к горлу подступает дурнота. Усилием воли отогнала картинку. «Надо не вспоминать (дурацкое занятие!), а думать о будущем. О том, как выбраться из переделки.

Теперь у меня и выхода другого нет, чем перемениться, – подумала девушка. – Тем более что я и способ знаю. Спасибо, прочитала в годы одинокой юности бессмертную книгу господина-товарища Станиславского «Работа актера над собой». Итак, чтобы *выглядеть* другим, надо *стать* другим. *Почувствовать* себя другим...

Нигде – ни дома, ни на улице, ни на скучной лекции – Лесе никогда не думалось так хорошо, как в московском метро. Разумеется, не в «часы пик», когда приходилось сражаться за место в вагоне, а в летний выходной, как сегодня, когда можно спокойно расположиться на скамейке, воткнуть в уши плеер, слушать музыку и размышлять...

Люди входили и выходили, Леся прикрывала глаза, чтобы не видеть их лиц и рекламных плакатов на стенах и окнах вагона, и мысли текли спокойно, связно, без суеты, волнения и самоедства...

Вот и сейчас, по пути от «Кузьминок» до «Курской», она (как ей казалось) все поняла про себя сегодняшнюю. И все для себя решила.

И в «Кузьминках», и на «Таганской» (где Леся делала пересадку) ей встречались постовые, однако они взирали на нее без всякого интереса: хорошо одетая, хоть и слегка помятая, возможно, после бессонной ночи, однако явно не кавказских кровей и держится уверенно – значит, документы в порядке, регистрация имеется, не подкопаешься, зачем зря время терять...

«Значит, – думала Леся, – с убийством Брагина меня еще не связали. А даже если вдруг связали – в розыск (как и предсказывал вчера Ник Кривошеев) пока не объявили».

Леся вышла из метро на «Курской-кольцевой».

В киоске у метро выпила растворимого кофе из пластикового стаканчика и съела слоеную булочку.

Легкий завтрак придал девушке сил. Если б еще так не натирали новые туфли на слишком высоком для Леси, десятисантиметровом каблуке...

Она перешла по подземному переходу Садовое кольцо. Здесь, в переулках, в неприметном подвале, Леся открыла для себя вожаделенную пещеру Али-Бабы: огромный стоковый магазин, куда свозили не распроданные тряпки из модных бутиков Москвы. Леся паслась в нем уже второй год: присматривалась, выбирала, мерила. Одно расстройство: несмотря на двойную-тройную уценку, многие вещи она все равно не могла себе позволить. Но теперь...

Аванс, полученный от Ника, можно сказать, жжет карман. Кто знает, как дальше повернется ее судьба. Может, завтра-послезавтра менты просто отнимут у нее зеленые бумажки... И сегодня последний день, когда она живет полной жизнью.

...Леся вышла из магазина-подвала через полтора часа. Ее захлестывала эйфория. Ах, какие удачные покупки она сделала!..

Прямо в магазине она переделалась. Исчезла полуделовая-полусексуальная секретарша, цеголявшая на вчерашнем приеме. Блузка с декольте, и юбка выше колен, и деловые туфли скрылись в недрах только что приобретенного рюкзака. Леся выбрала для своей новой жизни агрессивно-спортивный стиль: широкие черные брюки с множеством карманов от Дольче Габана и антрацитовую, с серебристой отделкой, рубашку той же фирмы. Наряд дополнили черные мокасины, похожие на кроссовки (или кроссовки, похожие на мокасины). А черный объемистый рюкзачок ей просто подарили – как оптовой, типа, покупательнице.

У сердобольной продавщицы еще и пластырь нашелся, чтобы залепить Лесину стертую ногу.

Словом, из магазина девушка вышла донельзя довольной. И преображенной.

Витрины тихого переулочка, по которому она отправилась в сторону центра, отражали уже не секретаршу-отличницу, которая вчера предприняла робкую попытку стать, хотя бы на один вечер, раскованной соблазнительницей. Теперь в стеклах бутиков и продмагов, мимо которых шла Леся, мелькала Девушка в Черном. Стиль то ли байкерши, то ли скейтерши, то ли «оторви и брось», то ли «я вся твоя»...

Когда Леся очнулась от эйфории покупок, то обнаружила, что находится в той части столицы, где, кажется, еще ни разу в жизни не бывала. Для Леси, осваивавшей Москву, практически не осталось «белых пятен» внутри Садового кольца (как и на «Коломенской», где она снимала квартиру, и близ «Университета»). Однако участок, где она шла, пока оставался для нее табула раса, чистым листом. Генеральное направление – в сторону Кремля – девушка выдерживала, а вот переулки казались совсем незнакомыми.

Людей по случаю солнечного воскресенья на улицах встречалось мало. Одинокая старушка протащится в продуктовый, неопохмеленный собаковод выведет свою питомицу, пронесется с загнанным видом парочка абитуриентов...

На перекрестье двух улиц Леся наткнулась на вывеску: «Салон красоты „Огюст Ренуар“». Судя по громадным копиям картин одноименного художника в витринах (одна – „Портрет Жанны Самари“, вторая – „Танец в городе“), салон был не из дешевых. Однако свое преображение Леся отнюдь не завершила, после покупок дизайнерских вещей в крови бурлила здоровая наглость, поэтому девушка смело толкнула дверь внутрь.

Разумеется, салон оказался куда богаче, нежели цирюльня в окраинной многоэтажке, где обычно приводила себя в порядок Леся.

От стойки немедленно поднялась холеная девушка в форменной блузке с бейджем и с заученной улыбкой спросила:

– Здравствуйте, чем я могу вам помочь?

Чем наглее обращаешься с подобными барышнями, тем больше они тебя уважают – это столичное правило Леся уже успела усвоить. Она небрежно молвила:

– Вот, решила опробовать ваш салон. Мне нужно сделать стрижку и покраситься. Прямо сейчас.

Кресла в парикмахерской пустовали. Летнее воскресенье – совсем не горячее время в салонах красоты.

– Одну минуту, я узнаю, – рецепционистка углубилась в компьютер. После глубокомысленного изучения проговорила: – Мастер освободится через пятнадцать минут. Будете ждать?

– Подожду, – снисходительно бросила Леся.

«Интересно, от чего освободится мастер? – подумала она, оглядывая пустой зал. – От сна?»

– Присаживайтесь, – выдавила улыбку рецепционистка, – принести вам чай или кофе?

– Кофе, пожалуйста, – милостиво кивнула девушка, – только без сливок и сахара.

Дежурная испарилась. В соревновании понтов – обычном московском спорте – они с Лесей пока, пожалуй, сыграли вничью.

Вскоре явился кофе (хотя и не эспрессо, однако гораздо лучше, чем из пластикового стаканчика на Курском вокзале). Следом подтянулась парикмахерша. Она с первого взгляда показалась Лесе совсем иной, чем рецепционистка: теплой и уютной, словно булочка. В голове мелькнуло: «Могу держать пари, родом она не из столицы».

– Здравствуйте, – радушно молвила мастерица. – Присаживайтесь, свой рюкзачок можете поставить сюда. Пойдемте теперь головку помоем.

Когда парикмахерша выслушала пожелания Леси, она искренне огорчилась.

– Ох, зачем, деточка? У тебя такой модный цвет волос, практически натуральная блондинка, да ты и не красилась никогда, верно?

– Нет, но хочу! – весело заявила Леся. – Есть идея измениться, кардинально и радикально.

– Экспериментов хочется? Дело хозяйское... Впрочем, вы, молодые, как над собой ни издеваетесь, все вам к лицу. Что ж, головка у тебя красивая...

В глазах мастерицы, заметила Леся в зеркале, сверкнул огонек вдохновения.

Ближайший час был заполнен милой болтовней двух женщин. Только Леся, повинувшись внезапно накотившему вдохновению, наврала о себе практически все. Ее теперь звали Кристина, и училась она не на юрфаке, а в «Шуке», и приехала в столицу не из Сибири, а из «Владика», то есть Владивостока.

«А что, – думала Леся, – когда-то я мечтала стать артисткой, и у меня получалось, я даже в студии в Доме культуры блистала... А имя сменить вообще раз плюнуть: говорят, проститутки, что в Москву приезжают, все поголовно переименовываются. Они себе внушают, что на время *работы* другими людьми становятся, поэтому все, чем они занимаются, происходит как бы не с ними...»

Плавное течение их с мастерицей разговора затормозилось лишь единожды, когда роскошные светлые волосы упали на черную простыню, в которую была укутана Леся, и на шее у нее обнажилась татуировка: небольшой жук-скарабей, вгрызающийся в основание черепа.

– Ой, деточка! – непосредственно воскликнула мастерица, узрев скарабея. – А ты непростая!

– Люди все непростые, – философски ответствовала Леся. А что она могла еще сказать? Ведь не сообщать же случайной собеседнице, что она сделала татушку, пытаясь первый раз перемениться, когда в десятом классе влюбилась в наглого рокера Макса. Макс так и не догадался о ее чувствах, и Лесино стремление изменить свой характер и судьбу окончилось тогда ничем. А скарабей, надежно прикрытый волосами, стал ее талисманом, тайной, о которой не знала даже мама. И вот теперь татушка впервые является свету...

В конце стрижки Леся зажмурила глаза и открыла их только, когда парикмахерша удовлетворенно сказала: «Ну, вот и все».

Преображение оказалось полнейшим. В первый момент Леся даже не узнала себя в зеркале. Очень короткий, мальчишеский ежик, к тому же выкрашенный в черный цвет, обнажил высокий лоб, аккуратные ушки, длинную шею. Карие глаза еще больше потемнели, смотрели упрямо, с вызовом.

Девушка дала цирюльнице огромные (в ее понимании) чаевые – сто рублей и спросила, откуда та родом.

– Из Екатеринбурга, – был ответ.

Интуиция Лесю не обманула: мастерица оказалась не москвичкой.

Парикмахерша добавила с оттенком грусти:

– Шестнадцать лет, как приехала пробиваться – с тех пор и бьюсь. Как рыба об лед.

Стрижка обошлась примерно во столько, сколько Леся тратила на пропитание в неделю, но она не жалела. Результат того стоил. Отовсюду из зеркал смотрело на нее эффектное отражение. Она стала совсем иной.

Однако стрижка оказалась не последним этапом на пути ее преображения. Продвигаясь дальше в сторону центра по пустынным улочкам и переулкам, Леся углядела в неприметном подвальчике тату-салон.

Через полчаса она вышла оттуда с небольшой стальной сережкой в правой брови.

Серьга довершила ее новый облик. Она придала измененному лицу восхитительную асимметрию. К тому же что теперь запомнит любой свидетель, посмотревший на Лесю? Первым делом – серьгу. Далее – очень короткую стрижку. А если он вдруг оглянется вслед, то в глаза ему бросится скарабей на обнажившемся беззащитном затылке. Ничего общего с блондинкой в офисном костюме и на высокой шпильке, что вышагивала вчера рядом с продюсером Брагиным.

В новом облике Леся чувствовала себя, словно в шапке-невидимке.

Она вышла на Маросейку, дошла пешком до «Китай-города» и спустилась в метро. Многие встречные, и мужчины и женщины, обращали на Лесю внимание – но замечали они, главным образом, сережку в брови и короткий ежик волос. Леся осталась довольна своей маскировкой.

* * *

Она вышла из метро на Пушкинской и тут же нырнула в арку в Большой Палашевский переулок.

На мгновение ей стало страшно. Оттого, что вчера она тем же путем шла в ресторан на прием, организованный Брагиным. Или потому, что с каждым шагом Леся приближалась к месту преступления. К тому же день клонился к вечеру, а ей до сих пор не позвонил Ник. А вдруг он так и не появится? Или скажет, что ничем не может помочь ей? Вдруг она останется один на один со своей бедой и ей придется решать самой, где прятаться?

Леся убыстрила шаг. Страх и волнение возникают от избытка адреналина в крови, а адреналин (это азы физиологии!) распадается в результате физической активности. Не случайно детишки, когда недовольны, сучат руками и ножками топают. Ох, сколько же она загрузила в себя знаний, важных и бесполезных, за годы своей одинокой юности!

Леся ступила в самый роскошный район Белокаменной. Когда она на первом курсе изучала столицу и забредала сюда, запросто встречала тут известных актеров – Збруева, младшего Лазарева, Абдулова. С тех пор здесь выросло несколько новейших домов, выглядевших как неприступные крепости (цена тутошних квартир начиналась с трех миллионов долларов). Прибавилось и дорогих ресторанов, и магазинов не для простых смертных. Здесь продавались букеты за пять тысяч рублей, сувениры за десять штук целковых, вино за двадцать, тридцать и шестьдесят... Здесь можно было заплатить за ужин тысячу баксов, и в одном из таких ресторанов продюсер Брагин устроил вчера прием а-ля фуршет по случаю очередной некруглой годовщины своего детища – продюсерского центра «БАРТ». Бог знает, какими неправдами Ник Кривошеев достал приглашение на вечеринку. Сыщик в детали не вдавался, просто растолковал ей задание и объявил цену. И Леся – какая же она была дура! – согласилась.

К ресторану, где она познакомилась с покойным, Леся не пошла. На перекрестке с Малой Бронной девушка повернула направо, в сторону Садового кольца. В сторону того дома на Патриарших, где вчера произошло убийство.

Говорят, преступника обычно тянет на место преступления.

Но ведь она – не преступник!

И Леся явилась сюда затем, чтобы осмотреться. Изучить обстановку. *Начать свое собственное расследование.*

Чем ближе она подходила к дому продюсера, тем сильнее менялось настроение. Неуверенность и страх сменились подъемом и даже эйфорией. Почему вдруг? Наверное, причиной

явилось чувство собственного превосходства: она, подозреваемая в убийстве (ведь ее наверняка уже подозревают!), спокойно прохаживается неподалеку от места преступления, никем не узнанная – словно показывает язык всем вместе взятым ментам города Москвы.

Наверное, думала Леся, следственных действий сейчас на месте убийства уже не ведется. Квартиру осмотрели, труп Брагина увезли. Может, опера ведут поквартирный обход, расспрашивают добропорядочных граждан: что они видели-слышали вчера поздним вечером... А граждан-то в Москве раз-два и обчелся, погода хорошая, обитатели шикарного района разъехались по загородам...

Леся пошла по тротуару с внешней стороны решетки Патриаршего пруда. В аллеях кипела жизнь: тусовались неразъехавшиеся школьники, студии и абитура, гуляла важная малышня, прохаживались пенсионеры – как минимум, республиканского значения.

Пятиэтажный дом продюсера возвышался на противоположной стороне улицы. Вчера вечером Леся не успела его толком рассмотреть. Теперь она шла не спеша, разглядывая.

Подъезды выходили прямо на улицу. Вон из того, первого, Леся вчера, не помня себя, выбежала в ночь. А где, интересно, находятся окна продюсерской квартиры? Ясно, что на втором этаже, а точнее с ходу и не определишь. Она даже не помнила, какие в брагинской гостиной занавески. Только заметила, что окно было распахнуто.

Кстати, окно было раскрыто и в ванной. Оно там, совершенно точно, выходило во двор. Дворик тихий – значит, кто-то через окно мог забраться в квартиру продюсера. И поджидать свою жертву внутри. Как, интересно, можно попасть во двор?

Оказалось, в центре дома имеется арка. Вчера Леся не обратила на это ни малейшего внимания, ругаясь посреди улицы с Ником. Арка забрана мощной решеткой, однако как раз в тот момент, когда Леся проходила мимо, изнутри двора к воротам подъехала машина. Водитель, не вылезая, высунул руку, приставил к автомату карту, и ворота раскрылись. Машина вырулила на улицу и газанула в сторону Садовой.

«А как жильцы дома попадают во двор? – подумала Леся. – Наверняка в каждом подъезде имеется черный ход...» И правда, припомнила она свои вчерашние впечатления: вот она вышла из лифта на первом этаже... Одна лестница, помощнее, вела мимо консьержки на улицу. Леся инстинктивно бросилась туда – тем же путем, что пришла. Могла бы остановиться, подумать и выйти через черный ход. Тогда бы ее не увидела консьержка. А как бы она выбралась со двора? Что ж, вряд ли он являет собой неприступную крепость... Наверняка есть какой-нибудь ход, лаз...

Но раз имеется запасной выход – значит, убийца мог проникнуть оттуда. Потом поднялся в квартиру продюсера, совершил убийство и так же незаметно покинул место преступления через черный ход.

Хорошо бы проверить свою догадку. Зайти во двор, все осмотреть... Пройтись черным ходом, поглядеть, можно ли проникнуть в брагинскую квартиру через окно в ванной... Но... как она проберется во двор? Леся и без того слишком уж медленно, подозрительно медленно, движется по тротуару мимо дома убиенного... Кстати, сама ее прогулка по тротуару выглядит странной. Ведь прочие прохожие предпочитают идти по тенистой аллее вдоль пруда. По тротуару Леся вышагивает в полном одиночестве...

А вот ее и заметили... Двое мужчин в авто – машина припаркована так, что они располагаются лицом к Лесе... Окна в автомобиле открыты, оба мужика вгрызаются в гамбургеры, запивают колой, однако не упускают из виду девушку, провожают ее профессионально цепкими, настороженными взглядами...

И только миновав их, Леся вдруг понимает, что эти двое, наверное, связаны с правоохранительными органами. Уж больно профессионально жесткие у них глаза...

Когда девушка наконец понимает это, ей хочется припуститься со всех ног, и она только чудом удерживает себя: «У них же в машине есть зеркала заднего вида, а что может быть подо-

зрительней, чем человек, который шел себе спокойно и вдруг сорвался с места, как ужаленный!»

Леся усилием воли умирят себя и неспешно доходит до конца решетки, окружающей пруд. Ей кажется, что затылком – стриженным беззащитным затылком и вытатуированным скарабеем – она ощущает взгляды, которыми провожают ее двое мужчин в автомобиле.

И в этот момент в рюкзаке у Леси звонит телефон. Она даже вздрагивает от неожиданности.

Глава 4

Пока Леся нашла в рюкзаке мобильник, он смолк. Не успела посмотреть, кто звонил, – аппарат заверещал снова. Девушка нажала на «прием», закинула рюкзачок за одно плечо и поспешила прочь от дома, где был убит продюсер Брагин, и от двух филеров в штатском.

– Ты где? – без всякого приветствия спросил Ник.

– Гуляю, – буркнула Леся.

– Через полчаса чтоб была у памятника Гоголю, – приказал частный сыщик.

– У какого из?..

– Что значит «у какого»? – досадливо переспросил Кривошеев.

– Чтоб ты знал, мой дорогой москвич, в столице имеются два памятника Николаю Васильевичу, – с любезным ядом пояснила Леся. – Один из них, стоячий, находится в начале одноименного бульвара, а второй, тот, где писатель сидит, – во дворе на Никитском бульваре.

– Хватит умничать. Встречаемся у, хм, стоячего Гоголя. Через полчаса.

И Ник отбился.

Леся повернула на Садовое кольцо и поспешила в сторону Маяковки – тем же путем, каким они вчера с Ником удирали с места преступления.

* * *

Народу в метро прибавилось. Многие ехали с вокзалов – с рюкзаками и сумками на колесах, с букетиками колокольчиков, роз и пионов.

Случилось так, что на встречу с боссом Леся опоздала. Выход с «Арбатской» оказался закрыт из-за ремонта. Пришлось выбираться длиннющими подземными переходами через «Библиотеку», а потом долго шагать по Воздвиженке, вдоль правительственной трассы. Здесь менты встречались очень часто, однако всем им была глубоко фиолетова девушка в черном, с рюкзачком за плечами и серьгой в правой брови.

Ника на фоне Гоголя Леся заприметила издалека. И решила схулиганить. Подошла ближе и остановилась у детектива за спиной метрах в двадцати. Наконец Ник обернулся. Скользнул по ней равнодушным взглядом, нетерпеливо глянул на часы и отвернулся. Леся возликовала: вот так чудо маскировки!

И только через минуту, снова повернувшись к ней и внимательно изучив черты лица, Кривошеев признал ее.

– Опаздываешь, – бросил он, подойдя к девушке.

– Давно здесь стою, – усмехнулась Леся, – а ты меня не узнаешь.

– Детский сад, – хмыкнул Кривошеев. – Думаешь, так от ментов спрячешься?

– Пока удастся.

– Да, ты прям неуловимый Джо... – саркастически протянул сыщик. – Знаешь, почему он неуловимый?

– Почему?

– А потому, что на фиг никому не нужен... Вот и ты в розыск пока не попала. А как придет оперативка, менты не на прическу смотреть будут.

– А на что?

– Да опытный постовой твой маскарад в шесть секунд расколется!

– А ты, значит, не опытный? – сощурилась она.

– Я не постовой. И никогда им не был.

Лесе надоело спорить, и она спросила:

– Скажи, Ник, а как ты собирался вчера пройти в подъезд Брагина – ведь там консьержка? Сыщик самодовольно заявил:

– Если тебя не посадят, я готов провести с тобой практическое занятие на тему «Тысяча и один способ внедрения в охраняемые помещения». Консьержи в списке препятствий находятся на предпоследнем уровне. Чуть выше огородного пугала.

– Ну, положим... А кстати, ты не мог бы дать мне телефон жены Брагина?

В глазах Кривошеева сверкнула досада.

– Ты что, Евдокимова, с ума сошла?!

Она пожалала плечами.

– Почему бы мне – или нам с тобой – не спросить у нее, что происходит? По статистике в девяноста процентах бытовых убийств виноват супруг или сожитель. А ведь жена Брагина заказывала компромат на мужа – значит, хотела уничтожить его морально. Так, может, она его убила физически?

Во время Лесиноного монолога Ник смотрел на нее с непонятым выражением – как будто сдерживал себя, чтобы не заорать или, хуже того, не ударить. Когда она закончила, он сказал страшно тихо:

– Леся, мы тут не в игры играем в песочнице. Тебе не разгуливать по Москве надо со своей сережкой в брови («далась ему эта бровь!»), а зарыться по самую маковку. А то оглянуться не успеешь – окажешься в Бутырках на нарах, у самой параши. Ясно тебе?!

Он посмотрел ей в глаза тяжелым злым взглядом, развернулся и бросил на ходу: «Пошли!»

Лесе ничего не оставалось, кроме как последовать за ним.

* * *

Они подошли к припаркованной у тротуара бежевой «шестерке». С водительского кресла вылез высоченный молодой человек. Он радушно улыбнулся Лесе. Молодой человек был высоким, нескладным, со слишком длинными, словно у щенка, руками и ногами. Вдобавок он был рыж, отчаянно рыж. Длинные огненные вихры торчали во все стороны, а щеки горели розовыми веснушками. Возраст его определялся трудно – что-то от восемнадцати до двадцати восьми.

С Лесей редко случалось подобное в жизни – она с первого взгляда почувствовала к парню странную теплоту. Словно он был давно знаком ей – с детства, словно они играли когда-то в незатейливые ребячьи игры, и она даже была влюблена в него. И еще он чем-то напомнил Лесе старшего брата, защитника и доверенное лицо всех маленьких детских тайн – выдуманного, несуществующего и никогда не существовавшего ее брата.

– Познакомься, – бросил Ник Лесе, – это теперь твой ангел-хранитель.

«Ангел-хранитель» слегка покраснел – рыжие люди легко краснеют.

– Василий Семенович, – пробасил молодой человек, протягивая Лесе свою длинную руку. – Впрочем, – добавил он, – друзья называют меня Васей. А совсем близкие Васечкой.

Представление явно было им заранее заготовлено и, наверное, уже не раз апробировано. Леся пожалала кисть парня. Лапа у Васечки оказалась огромной, но бережной.

– Вообще-то, по правилам хорошего тона руку первой подает дама, – смутила она юношу, единственно ради того, чтобы посмотреть, покраснеет ли он еще раз. Вася не покраснел. – Меня зовут Олеся, но можешь называть меня Лесей, я не обижусь.

Несмотря на неопределенность возраста Василия, казалось совершенно невозможным обращаться к нему на «вы». К панибратству странным образом располагала и его рыжина, и его затрапезная ржавая машина, и одежда: ковбойка поверх кипенно-белой майки, джинсы и порядком разбитые кроссовки.

– Ну, я вижу, вы поладите, – хмыкнул Ник, и Леся была готова убить его за циничный смешок, а Васечка опять покраснел.

– Василий тебя спрячет, – продолжил детектив, обращаясь к ней. – Вот и сиди там, куда он тебя отвезет, и носа не высовывай. А я разужнаю, что с твоим делом, и позвоню.

Кривошеев похлопал ладонью по крыше машины, словно прощался одновременно с ними обоими, и, не оглядываясь, зашагал в сторону «Кропоткинской».

– Поехали? – спросил Васечка, обведя фигуру Леси взглядом.

– Поехали, – кивнула она. Странно, но Леся осталась наедине с мужчиной, не чувствуя никакой неловкости и страха.

Молодой человек сложился, как перочинный нож, и влез на водительское сиденье. Подвигался там, угнездился. Его рыжие вихры почти касались потолка «лимузина».

Леся скользнула на переднее сиденье. Рюкзачок поставила в ноги.

Васечка двинул длинным рычагом переключения передач, и «шестерка» сорвалась с места.

– Наверно, надо захватить из дому твои вещи? – спросил молодой человек.

– А можно?

– Куда ехать?

Он спросил это совсем просто, будто два старых друга едут вместе за город на пикник.

Леся сказала:

– В сторону Коломенского, плиз, а там я покажу.

– О'кей!

Леся привыкла, что от мужчин надо защищаться. Но вот удивительно, ей совсем не хотелось закрываться от Васечки, строить оборонительные редуты. «Не обольщайся, – прозвенел в мозгу предупредительный звоночек, – все мужчины одинаковые». Однако Леся про себя ответила: «Посмотрим, а пока я его совсем не боюсь».

Авто развернулось у Храма Христа Спасителя и бодро побежало по Волхонке. Храм остался справа, Музей изобразительных искусств слева. Васину тачку легко обгоняли заморские лимузины, однако водитель, кажется, не испытывал ни малейших комплексов оттого, что управляет столь затрапезной машиной.

Когда они вывернули на Большой Каменный мост, Леся осторожно спросила:

– Что тебе рассказал про меня Николай?

– Ничего особенного, – пожал плечами Василий. – Просто сказал, что тебя надо спрятать, чтоб никто не нашел.

– А зачем меня прятать, он сообщил?

Вася повернулся к ней лицом и улыбнулся:

– Меньше знаешь, крепче спишь, разве не так?

– И тебе не интересно?

Авто спустилось с моста и понеслось по набережной. Слева от них текли грязные воды Москва-реки, а дальше разворачивалась величественная панорама Кремля: зрелище, на которое Леся, столичный неофит, была пока что готова смотреть бесконечно. Впрочем, на сей раз Кремль был всего лишь фоном, а на переднем плане маячила крупная, неухоженная, рыжая голова Васи. Молодой человек пожал плечами.

– Захочешь, сама расскажешь, – рассудительно молвил он. – А не захочешь – все равно не расскажешь, как бы я ни спрашивал. Разве не так?

– А если я – преступница? – требовательно спросила Леся и с раскаянием подумала: «Что же я за дура? Что за мазохистка? Зачем же я все обостряю и усложняю? Почему бы нам просто и мило не поболтать о том о сем?» – Или мошенница, аферистка?

– Ты *не* преступница, – мягко молвил Вася, – и, насколько я могу судить, далеко *не* мошенница и *не* аферистка.

– Почему ты стал мне помогать?

«Хватит! Остановись уже!» – стала урезонивать себя Леся.

– Ник попросил, – мотнул головой огненноволосый парень. – А он мой друг.

Друг... Как будто это слово что-то объясняло... Тема была исчерпана. Леся отвернулась, тем более что слева от нее, на фоне Васи, закончился Кремль и потянулось голое место там, где раньше возвышалась гостиница «Россия», а ведь к отелю, хорош он был или плох, даже она, немосквичка, уже успела привыкнуть.

* * *

Довольно скоро по полупустым улицам воскресного вечера они добрались до Кленового бульвара, где Леся снимала на паях с землячкой Светкой двухкомнатную квартиру под самой крышей. Арендовать «двушку» на двоих оказалось гораздо выгодней, чем «однушку» на одного. Конечно, к соседкам приходится приспособливаться: кто-то любит гостей, кому-то нужно одиночество, один терпеть не может убираться, другой – готовить... Со Светкой они друг к другу приспособились. Главное, та не была мальчишницей и не умоляла Лесю перекапаться где-нибудь вечером или ночью. Бытовые хлопоты они тоже распределили к взаимному удовольствию: каждый занимался тем, что больше нравится: Светка ходила по магазинам и стряпала, Леся наводила в квартирке лоск.

Нынче Светки не было дома. Та решила устроить себе каникулы, сорвалась сразу после сессии на пару недель домой. Место, однако, за собой оставила и даже долю свою внесла.

Леся попросила Васю подождать во дворе – под сенью тополей, под крики малышни с детской площадки. Поднялась на девятый этаж на зачуханном лифте – никакого сравнения не выдерживает ее замурзанный подъезд с парадным Брагина. «Зато у нас не убивают», – примирила себя с окружающей действительностью Леся и вошла в квартиру.

За последние сутки здесь ничего не изменилось. Обычная съемная дыра. Чужая мебель советских времен, продавленный диван, холодильник «Снайге» в шестиметровой кухне. А все равно жаль уезжать, все-таки свой угол. Опять же непонятно, когда она сюда вернется, да и вернется ли вообще.

Леся постаралась взять вещей по минимуму. Выбирала те, что сочетаются с новым имиджем: несколько маек, пару блузок и свитеров. Прихватила куртку со множеством карманов, ботинки и другие, не жмущие, туфли на более щадящем каблучке. Не забыла пару учебников, уже купленных для четвертого курса, и любимую плюшевую собачку, с которой она в обнимку спала еженощно вот уже пять лет.

Копаться долго было неудобно, ведь внизу томился Василий. («С ума сойти, – подумала Леся, – впервые в жизни ее ждет у подъезда парень на автомобиле – правда, у них совсем не свидание, а просто... так сложилось...»)

Она затолкала вещи в чемодан на колесиках. Подумала, не написать ли записку Светке – та собиралась вернуться на днях, однако решила не оставлять зацепок.

Чемодан оказался неожиданно тяжелым – от лифта к двери его пришлось волочить, прыгая со ступеньки на ступеньку. А у подъезда Леся столкнулась с соседкой с восьмого этажа, Варварой Никитичной.

Никитична подозрительно глянула на девушку – притом, что они в течение двух лет пересекались едва ли не ежедневно – и спросила зычно:

– Откуда это вы идете с чемоданом?

Лесе ничего не оставалось, как расколотся:

– Да я это, Варвара Никитична!

– Кто – ты? – Соседка всматривалась ей в лицо, по-прежнему не узнавая.

– Я, Леся! С девятого этажа!

– Ой, Лесенька! И правда ты. Боже, что же это ты с собой сделала?!

Она принялась рассматривать ее короткую черную стрижку, сережку в брови.

– Нравится? – игриво спросила девушка.

– Нет! – сказала, как отрубилась, соседка. – Не нравится. – И со всей непосредственностью добавила, покачав головой: – Ужас какой-то! – Потом кивнула на чемодан: – Что, уезжаешь? К маме или на курорт?

– На дачу.

– Ну, бог помощь.

Варвара Никитична пристально проследила за тем, как Леся подвозит чемодан к Васиной «шестерке», как тот перехватывает его и погружает в багажник, как открывает перед девушкой пассажирскую дверцу... Леся поняла, что дала соседке пищу для сплетен о себе: и об измененной внешности, и о чемодане, и о первом замеченном близ Леси кавалере.

Уже сев в машину, девушка подумала: а ведь дело не только в сплетнях. Их встреча чем-то сродни провалу. Теперь, если оперативники выйдут на Лесино жилье (а она зарегистрирована здесь, на Кленовом), легко узнают от соседки все: и то, что она сменила внешность, и что за парень сопровождал ее (а Вася приметный), и на какой машине они уехали.

Какую глупость она сотворила, заведя разговор с Никитичной! Надо было буркнуть и отвернуться.

Леся сидела мрачная, пока они выруливали на проспект Андропова, а потом Вася (он внимательно время от времени на нее поглядывал, но молчания не нарушал) вдруг предложил:

– Дорога неблизкая. Давай перекусим в «Мак-Кряке»?

– Где-где? – переспросила она.

– В «Макдоналдсе», – пояснил Вася и поспешил добавить: – Я угощаю.

Едва прозвучало слово «еда», Леся поняла, как же она на самом деле проголодалась. Весь ее дневной рацион ограничился булочкой у Курского вокзала.

– О да! – воскликнула она непосредственно. – Давай! Тормози!

* * *

Они поели – Вася решительно пресек Лесины попытки заплатить за себя. Заправили машину и пустились в путь, прочь из города. Шел девятый час вечера, и навстречу им двигался сплошной поток: дачники возвращались в город. В обратном направлении, в область, дорога оказалась свободной.

– Куда мы едем? – спросила Леся.

– Увидишь, – радушно откликнулся Васечка. – Местечко милое, но глухое. Практически без удобств. Такое, как Ник заказывал.

– А вы откуда с ним знакомы?

– Давно это было, – неопределенно ответил молодой человек. Стало ясно: не хочет на эту тему распространяться.

Леся подумала, что она ничего о нем не знает. Даже, сколько ему лет, понятия не имеет. Парень порой казался ей намного старше, чем она, а иногда, особенно когда смеялся, выглядел пацан пацаном. Она осведомилась:

– А ты учишься или работаешь?

– И то, и другое, – кивнул Вася. – Работаю и учусь в аспирантуре.

– Когда защищаться будешь?

– Бог даст, скоро на предзащиту выйду.

«Значит, он на три-четыре года старше меня», – поняла Леся.

– А потом?

– Что – потом?

– После того, как ты станешь кандидатом?

Вася пожал плечами. Разговор не мешал ему управлять машиной. Рулил он спокойно и основательно, не дергаясь и ни секунды не нервничая. И этим тоже нравился Лесе. «Хорошо бы мне иметь такого друга, – вдруг подумала она, – просто друга, чтобы встречаться и разговаривать обо всем, и сходить куда-нибудь поесть, как сегодня, а потом в кино... И чтобы можно было, в случае чего, на него положиться, и даже пожаловаться ему, и принять его помощь... Но ведь мужики, особенно молодые, никогда не захотят просто дружить, им ведь обязательно любовь подавай, а любовь для них значит постель...»

– Когда защищусь, – сказал Вася, – надеюсь, грант получу. У американцев. Моя специальность у них до сих пор в моде.

– А кто ты по специальности?

Парень махнул рукой.

– Ты смеяться будешь.

– Клянусь, не буду.

– Нет, будешь.

– Неужели ассенизатор? – улыбнулась она.

– Нет. Палеонтолог.

– О! – воскликнула Леся. – Что ж тут смешного? Очень интересная наука!

– Тебе правда нравится? – искоса глянул он на нее.

– Конечно! Ты и на раскопках был?

– В экспедициях? Неоднократно, – усмехнулся Василий.

– А где?

– В Якутии три раза, в Гоби, в Ростовской области.

– И мамонтов находил? И динозавров?

– Да находил, – пренебрежительно протянул он.

– Супер!

Васечка скривился.

– А что ты морщишься, – осведомилась Леся, – разве не интересно найти кости какого-нибудь тиранозавра?

Юноша промолчал.

Они уже выскочили на Кольцевую дорогу, и машина неслась, ревя и подрагивая, на скорости сто двадцать километров в час – видимо, для нее предельной. Ветер свистал в кабине, мешал разговаривать, заставлял напрягать голос. Вася прикрыл окно. Сразу стало теплее и тише.

Парень улыбнулся:

– Попервости, конечно, это интересно. А потом... – Он пренебрежительно махнул рукой.

– А что тебе интересно сейчас? – спросила Леся.

Ей нравился разговор с Васечкой; нравилось, и было нисколечко не страшно и не стыдно говорить с ним, огневолосям, вроде бы таким обычным и в то же время ученым и умным...

– Что мне интересно?.. – задумчиво протянул Вася. Лесе показалось, что он размышляет не над самим ответом, ответ у него давно готов, а над тем, стоит ли делиться сокровенным – с нею. Наконец он усмехнулся, повернулся к Лесе, и в глазах у него сверкнули золотые искры: – Найти живого динозавра. – И он зарычал, как, в его представлении, должен был кричать динозавр. – Или хотя бы мамонта. – И он запрокинул голову и затрубил.

– Осторожно, дурачок, разобьемся! – воскликнула Леся. («Он все же решил не говорить со мной всерьез»).

Вася усмехнулся и прибавил газу.

Леся тихо, но настойчиво спросила:

– И все-таки... Расскажи мне о своей науке – без шуток.

Они единым духом пронесли по небольшому отрезку Кольцевой и свернули на Волгоградское шоссе. Здесь их скорость ограничивали светофоры, «шестерка» поехала медленнее, рев от мотора и колес стал тише. Вася вдруг начал рассказывать, и с каждой фразой его речь становилась все более увлеченной:

– Знаешь, меня волнует один простой вопрос. Вообще, самые простые вопросы оказываются для науки самыми сложными! Например: откуда взялась жизнь на Земле? Как такое могло быть? Сначала имелось раскаленное облако, затем огненный шар, потом он остыл, потом покрылся океанами. Все вокруг было неорганическое. Камни, воздух, вода и вся таблица Менделеева. А потом вдруг возникло органическое. Появилась Жизнь.

Последнее слово он произнес, будто бы написанное с большой буквы.

– Как такое может быть? – азартно повторил Вася. – Коренной вопрос науки, между прочим. Откуда она, жизнь, взялась? Вся эта органика, которая началась с бактерий, продолжилась лишайниками и закончилась...

Он сделал паузу, словно подбирая слово.

– Ну, например, вот им. – Он кивнул на толстого гаишника, что помахивал палочкой на обочине.

– Ну, гаишники недалеко от лишайников ушли, – засмеялась Леся и добавила безапелляционно: – А про жизнь, по-моему, все ясно.

– Вот как? – улыбнулся молодой ученый.

– Да. Во все сущее, видимое и невидимое, вдохнул жизнь бог-отец, – с лукавинкой проговорила Леся. – А после он создал каждой твари по паре и понял, что это хорошо, и в день седьмой присел отдохнуть на облаке.

– Да, – серьезно кивнул Вася, – гипотеза о боге тоже имеет место быть. Однако данное объяснение – самое простое. Оно требует веры, а не доказательств.

– А как насчет пришельцев? – улыбнулась девушка.

Вася серьезно кивнул:

– И подобная гипотеза существует... Может быть, и вправду прилетал к нам миллиард лет назад инопланетный корабль с зелеными человечками, они тут у нас походили, поели, попили и свои бактерии и вирусы случайно оставили. А из их космического мусора наша жизнь пошла.

– Что, серьезно?

– Вполне. Пришельцы – не пришельцы, но одна из самых распространенных гипотез заключается в том, что жизнь на нашу планету занесена извне. Из космоса, в результате падения на Землю небесных тел. Метеоритов. Ведь уже доказано, что бактерии могут и низкие температуры выдерживать, до абсолютного нуля. И полный вакуум. И, наоборот, нагревание до многих тысяч градусов (когда метеорит в атмосфере Земли раскаляется)... Поэтому, скорее всего, так все и было, хотя стопроцентных доказательств, как ты понимаешь, нет... Но мне, – вздохнул Вася, – честно говоря, всегда, еще с детства, обидно было. Что жизнь на Землю, как грипп какой-нибудь, из космоса занесло...

– А то, что все мы были когда-то обезьянками, тебе не обидно? – поддразнила его Леся.

– Да что обезьянки! – досадливо отмахнулся палеонтолог. – Ведь вопрос вопросов заключается в том, как из неорганической материи получить органическую?.. Как мертвое превратить в *живое*?.. Бить высоковольтными разрядами, типа молниями? Пробовали. Нагревать? Тоже. Охлаждать? Воздействовать радиацией? Или делать все это одновременно – в разных пропорциях?.. Были тысячи подобных исследований! Но пока никому внятных и повторяемых результатов достичь не удалось.

Они помолчали, а потом Вася совсем по-взрослому, словно убежденный сединой ученый муж, вздохнул:

– Вот так, дорогая Леся. Тайна сия велика есмь.

Их машина неслась все дальше за город – а навстречу текли орды возвращающихся после уик-энда железных коней.

Глава 5

Чем дальше они отъезжали от Москвы и чем ниже клонилось к горизонту июльское солнце, тем больше напрягалась Леся. Несмотря на все высокоученые разговоры, ситуация складывалась двусмысленная. Она едет на ночь глядя неизвестно куда, с малознакомым молодым человеком... А вдруг он потребует вполне определенной платы за свои услуги?.. И дело было не в том, что она не отобьется и не пошлет его куда подальше – и отобьется, и пошлет. Просто жалко будет, что их намечающиеся товарищеские отношения вдруг закончатся столь противно и пошло.

Они свернули с шоссе на второстепенную дорогу. Замелькали поля, потом редкие лесополосы. Вскоре машина въехала в настоящий лес.

Васечка, словно угадав, о чем она думает, сообщил:

– А мне завтра к девяти утра ехать к научному руководителю.

– К девяти?.. – откликнулась она. Значит, ночевать Вася за городом вряд ли будет. На душе полегчало. – Ну и зверь же твой профессор!

– Да нет, Максимыч не зверь. Хороший мужик. Просто он жаворонок и нас всех пытается жаворонками сделать. Еще с самой первой экспедиции.

– А ты – сова?

Он кивнул.

– Я тоже, – улыбнулась Леся.

Они въехали на территорию дачного поселка. Мелькнул указатель: «Гречаниново».

– Вот здесь ты будешь жить, – пояснил Васечка.

На первый взгляд поселок девушке понравился. Создавалось впечатление, что дачи находятся прямо в лесу. Из-за заборов тянулись сосны и ели. За высокими березами или разлапистыми яблонями виднелись красные и зеленые крыши.

– Прикольнo, – оценила Леся.

Вася свернул в узкий ухабистый переулок. По обе стороны тянулись заборы, довольно старые и линялые. Обочины заросли высоченными сорняками. На малой скорости «шестерка» принялась переваливаться с кочки на кочку. Ни единого человека не было видно ни на улице, ни за оградами.

Наконец авто остановилось.

– Приехали, – сказал Вася. – Добро пожаловать.

Леся выскочила из машины. На покосившейся калитке висела табличка, коряво написанная от руки: «Луговая, 7».

– Заезда во двор нет, – пояснил Вася. – Пойдем через калитку.

Он открыл багажник и вытащил Лесин чемодан.

– А чья это дача?

– Теперь моя, – грустно улыбнулся Вася.

Он отпер большой амбарный замок и внес чемодан внутрь двора.

Участок оказался совсем неухоженным. Сорняки по пояс. Старые яблони и вишни растопырились наполовину высохшими ветвями. Вдалеке у забора-рабицы росли три вековых сосны и одна ель.

Вася подхватил чемодан и отправился по еле заметной тропинке, по пояс в траве. Леся последовала за ним. Тропинка упиралась в небольшой старый выцветший дом. Он выглядел маленьким, словно кукольным. Рядом с крыльцом располагалась врытая в землю скамейка и стол, накрытый старой клеенкой.

– Извини за общую разруху и неухоженность, – проговорил молодой человек. Он казался смущенным. – У меня, чтоб дачей заниматься, нет ни времени, ни... – он замялся и слегка

покраснел, – ни денег. Вот и стоит она пока без дела. Может быть, когда-нибудь я разбогатею, отгрохаю тут особняк. А не разбогатею – продам. Все равно каждый год земля дорожает. Ну, гости дорогие, добро пожаловать!.. Осторожней, тут на крыльце одна ступенька шатается.

Они вошли в дом. Он оказался и вправду маленьким, бедненьким, однако опрятным. Кухонька занимала не больше трех метров. В ней возвышалась беленая русская печь. Имелся раковина, снабженный водонагревателем. На кухонном столе помещалась древняя электрическая плитка на две конфорки. Рядом самодовольно высился современный чайник.

В комнате обстановка была не менее скупая: телевизор «Рубин», покрытый салфеточкой, платяной шкаф, оклеенный многочисленными переводными картинками с изображением динозавров.

– Когда-то это была моя комната, – пояснил Вася. – Да она и сейчас моя, когда я приезжаю. Она, вообще-то, единственная, которая отапливается. Поэтому ты располагайся здесь. В шкафу есть постельное белье. Оно, может, отсырело, но зато чистое.

Они вышли на старинную террасу. Она занимала ровно столько же площади, что и кухня с комнаткой, вместе взятые. На террасе имелся пузатый холодильник «ЗИЛ», облупленный и слегка почерневший от старости и сырости, а также радиолы «Ригонда». У стены помещался диван, а в середине – круглый стол, покрытый скатертью. На столе в вазочке возвышались засохшие тюльпаны.

«Вася либо неисправимый романтик, – подумалось Лесе при взгляде на тюльпаны, – либо приезжал сюда в последний раз вместе с девушкой. А почему, собственно, у него не может быть девушки?.. Он же меня не на свидание позвал, и вообще я ему никто». От этой мысли почему-то стало досадно.

Изрядную часть террасы занимали журналы и книги. Разные – художественные, научные, научно-популярные, – они не помещались на двух полках, возвышались на полу многоступенчатыми кипами.

– Выкинуть жалко, – извиняющимся тоном проговорил Вася, кивнув на стопки, – а разобрать времени не хватает. Да и сарая у нас нет.

Несмотря на миниатюрные размеры, минимализм обстановки и печать упадка, Васин домик Лесе понравился. Ведь у них с мамой никогда не было своей дачи – а те, на которые их приглашали сердобольные мамочкины родственники или друзья, выглядели немногим лучше, а то и хуже этой.

– А мне здесь нравится, – озвучила она свою мысль.

– Ты шутишь! – со смущенной усмешкой воскликнул Вася.

– Вовсе не шучу. Мне правда нравится. Вот только зачем решетки на окнах? Темно от них и мрачно.

И в самом деле, все окна в домике, даже огромные на террасе, оказались зарешеченными. В голове у Леси промелькнуло: «Опять я буду ночевать как в клетке. Что ж получается: подготовка к тюрьме, что ли?»

Вася нахмурился:

– Родители решетки поставили, еще когда я маленький был. У нас в поселке мощное воровство было в конце восьмидесятых. Два раза из окна диван пытались вытащить.

Леся хотела было спросить, а что сейчас с Васиними родителями, да постеснялась – не настолько они коротко знакомы. Вместо этого справилась:

– А теперь в поселке спокойно?

– Да, соседи не жалуются. Бомжей милиция всех повывела, а профессиональные грабители нашей скромной избушкой не интересуются.

Воздух в комнатках был влажным и затхлым. Васечка озабоченно повел носом.

– Я здесь последний раз в конце мая был... Надо бы печку истопить. Ты умеешь?

– Не-а, – честно призналась Леся.

– Нет? – поразился он. – А мне Ник сказал, что ты из Сибири.

– А вы здесь, в Москве, думаете, – засмеялась девушка, – что мы в Сибири все в избах живем?

Вася рассмеялся.

– Тогда надо тебя срочно учить. А то, если холода наступят, ты у меня тут дуба дашь.

Лесе понравилась его формулировка: «Тут у меня».

– Ну учи, – улыбнулась она.

Молодые люди вышли во двор. Сквозь высокую траву пробрались к импровизированному дровянику у забора – поленнице, укрытой сверху листами жести. Попутно Вася показал Лесе «удобства» – два деревянных домика: один туалет, а второй – летний душ, снабженный восьмидесятилитровым водонагревателем. Скромный «санузел» под сенью сосен показался девушке даже очаровательным.

– Жить можно, – заметила Леся, когда они тащили в дом поленья: он – пять, она – три. – И даже неплохо. Спасибо тебе. А как отсюда выбираться в Москву?

– В Москву? – удивился Вася. – Мне Ник сказал, что ты будешь жить здесь безвылазно...

– А что он еще, интересно, про меня говорил? – спросила Леся, когда они свалили дрова на крыльце. – Что я опасная преступница и меня разыскивают Петровка, Лубянка и Интерпол?

Леся, прищурясь, уставилась в лицо юноши.

– Да нет... – смешался он.

– А что тогда? – нахмурилась Леся.

– Что ты, типа, попала в беду... Тебя подставили... Но Ник сказал, что ты совершенно ни в чем не виновата и тебе надо перекантоваться, пока он во всем разберется...

«Он разберется», – намотала себе на ус Леся слова частного детектива. Кто знает: то ли это пустая болтовня, то ли Ник в самом деле станет помогать ей в расследовании.

– Итак, далеко ли до Белокаменной?

– Слышишь, электричка шумит? Иди на звук, не ошибешься. До станции ходьбы минут десять. А до Москвы ехать минут сорок пять.

Леся кивнула:

– Спасибо.

После лекции по географии Вася устроил для Леси практическое занятие на тему «Как растопить русскую печь».

– Что представляет собой с химической точки зрения процесс горения? – бормотал он, закидывая в печь дрова и обкладывая их газетами. – Окисление. Значит, горючему материалу необходимо бесперебойное поступление кислорода. В случае с русской печью – надо открыть заслонку наверху, в дымоходе, и вот эту дверцу внизу, которая называется романтическим словом «поддувало»...

Теоретическая подкованность сочеталась у Василия с практическими навыками: дрова, заботливо переложённые газетами, разгорелись с одной спички. Едва занялся «горючий материал», как в домике сразу стало теплей и уютней.

– Теперь главное мероприятие, которое тебе остается выполнить, – продолжал молодой ученый, – закрыть заслонку, когда дрова прогорят. Смотри только: закрывать ее надо, когда на дровах не станет синих огоньков. А то угоришь. Поняла?

Леся, хоть и недопоняла насчет синих огоньков, решила не выставлять себя полной дебилкой – даже печь разжечь не может! – и кивнула.

– Ну, тогда счастливо оставаться. Одиннадцатый час, я погнал в Москву.

Вася сидел на корточках перед печкой, и сквозь щели в дверце его лицо освещалось красными отсветами пламени. В сочетании с огненной шевелюрой это выглядело красиво.

Молодой человек встал.

– Вот тебе ключи от дома. И от калитки. Решишь пойти прогуляться, не забудь запереть.

– Вася, скажи... А сюда никто не может приехать? Например, твои родители?

Лицо парня вдруг закаменело.

– Мои родители сюда больше никогда не приедут.

Он произнес это столь резко, что напрочь отбил у Леси охоту развивать тему.

– А соседи?

Василий махнул рукой.

– Есть тут одна... Тетей Любой зовут... Если вдруг начнет расспрашивать, скажешь, что ты моя дальняя родственница. Приехала, допустим, в Москву в институт поступать. Или в аспирантуру, как тебе больше понравится... Ладно, пойдем, проводишь меня до машины. И калитку заодно запрешь.

Солнце давно зашло, но на улице было еще светло – длились долгие сумерки начала июля. Леся так и не увидела здесь, в дачном поселке Гречаниново, ни единого человека – ни на улице, ни за заборами. Она шла по тропинке следом за Васечкой и думала, что ей не хочется, чтобы он уезжал. Чуть не впервые в жизни ей не хотелось расставаться с парнем. А ведь он ни слова не сказал, когда они увидятся снова, и не попросил номер ее телефона, и от этого стало ужасно грустно.

Когда они подошли к машине, молодой человек вдруг хлопнул себя ладонью по лбу.

– Чуть не забыл!

Он открыл багажник, достал полиэтиленовый пакет с лейблом супермаркета и протянул Лесе.

– На станции магазин уже закрыт. Я купил, чтобы тебе было чего погрызть. Кофе и чай в доме есть. Пользуйся, не стесняйся.

Леся настолько растрогалась неожиданной опекой незнакомого парня, что у нее даже голос предательски дрогнул:

– Спасибо большое.

Никто и никогда, кроме мамы и тетушек, не проявлял о ней подобной заботы. Тем более – ни один мужчина.

– Давай хоть за еду тебе деньги отдам, – смущенно предложила она.

– Забей! – досадливо поморщился Вася. – Да, если вдруг что – квесченс, комментс¹, – звони мне в любое время. У тебя мобильник с собой?

– Да.

– Набери сейчас мой телефон, твой у меня отпечатается. Восемь девятьсот...

Леся достала аппарат из новых брюк и набрала Васин номер.

Раздалась мелодия из «Крестного отца». Молодой человек вытащил мобильник, глянул на экран и молвил:

– Порядок.

А потом сел за руль, помахал Лесе из открытого окна своей длинной лапой и потихоньку попылил по переулку.

* * *

Леся осталась одна. Было очень грустно, что Вася уехал и они, может, никогда больше в жизни не встретятся – или увидятся, на худой конец, один-единственный раз. Наверное, это будет совсем формальная встреча, когда ей придется возвращать ему ключи от дачи. Во всяком случае, ничего большего он ей не предложил. Ни навестить не пообещал, ни позвонить...

¹ Questions, comments – вопросы, комментарии (англ.) – стандартная надпись на упаковках западных продуктов.

От грусти, поселившейся в душе, Леся знала хорошее лекарство – работу. Причем лучше всего ей помогала забыться работа тупая. Вот и сейчас Леся решила: надо прибраться в домике, и забвенью ей будет, и польза.

Она не покривила душой перед парнем: дом и вправду показался ей ужасно милым. В нем и порядок соблюдался – кухонные принадлежности расставлены по полочкам. Чашки, тарелки и раковину явно время от времени драили. Довольно странная ухоженность, если сюда не приезжают его родители.

Что все-таки с ними случилось? Почему он произнес с таким каменным выражением, что они сюда больше никогда не приедут?

В доме нашлась и швабра, и тряпка. Печь весело потрескивала, дышала жаром, и от нее стало тепло, сухо и уютно. Леся переделалась в домашнее, врубила «Ригонду» (радиола охотно поймала какую-то скандинавскую джазовую радиостанцию) и принялась за уборку. Похоже, в домике действительно хозяева давно не появлялись. На подоконники и на пол нанесло пыли. В углах и над люстрами скопилась паутина, всюду валяются десятки сухих мух и жучков. хлопоты вымывали из головы мысли и о Васечке, и об убийстве продюсера, и о ее собственной нечаянной в нем роли.

Когда девушка покончила с уборкой, за окнами совсем стемнело. Печь прогорела, и жар от нее стал еще сильнее. Пришлось отворить окна не только в кухоньке, но и в комнате. Потянуло прохладой и ароматами ночного сада.

Заслонку печки Леся закрыла не до конца – убоилась не очень понятых ей «синих огоньков», от которых можно угореть.

Потом разобрала свои вещи. Для них нашлось место в платяном шкафу, обклеенном «переводками» с динозавриками, – большую его часть занимали допотопные макинтоши, манто из искусственного меха, габардиновые пиджаки.

Леся включила старинный холодильник «ЗИЛ», вскипятила чайник и поела подаренных Василием продуктов. В пакете нашлись колбаса, сыр и даже шоколадные конфеты. «Какой он милый, – подумала Леся. – Ведь покупал еду, когда еще не видел меня ни разу. И все равно позаботился...»

А когда она выпила чаю, помыла чашку и время шло к часу ночи, Леся осторожно вытащила из нового рюкзака очешницу. Сюда чуть больше суток назад она положила важную улику.

Ключи, что валялась на полу в брагинской прихожей.

Два ключа без брелка, соединенные колечком, – возможно, в буквальном смысле, ключи к разгадке убийства.

Оба – очень простые. От дешевых незатейливых замков. Они выбивались из общего стиля богатой квартиры на Патриарших. И вряд ли они лежали в кармане продюсерского пиджака от Бриони. У богачей таких ключей просто не бывает. Свои кабинеты нувориши открывают пластиковыми картами, машины и ворота гаражей – инфракрасными брелками, а квартиры с бронебойными дверями – длинными сейфовыми ключами.

Да, ключи в прихожей продюсера, возможно, обронил убийца. И вряд ли он принадлежит к тому же классу, что убитый. Вряд ли с такими ключами ходит Райтонен. Скорее всего, ими побрезговал бы и импозатный старичок Борисоглебский, подъезжавший к ней в начале вечеринки. Да и злой чернявой актрисе они не подошли бы. Хотя... Может быть, это ключи от чьей-то дачи? От чьего-то домика на водохранилище? От гаража? От лодочного сарая? И в таком случае они могут принадлежать кому угодно...

Леся нашла в тумбочке на кухне пару полиэтиленовых пакетов. Взявшись за ключи одним пакетом, осторожно положила их в другой. Вполне возможно, на них остались отпечатки пальцев убийцы. Пакет с уликой Леся засунула на дно своей сумочки.

Глаза слипались. Леся отыскала в платяном шкафу постельное белье – слегка отсыревшее, зато чистое, – постелила его и улеглась.

В комнате было тепло, даже жарко, а из открытого окна струилась прохлада. Издалека слышался басовитый гудок, а затем перестук колес грузового состава.

Перед тем как уснуть, Леся наметила план действий на завтра. Было не ясно, удастся ли он, но отсиживаться на Васечкиной даче она не собиралась.

Глава 6

Леся выскочила из кафе и бросилась к нему навстречу...

...Весь ее сегодняшний день явился подготовкой к сему нечаянному свиданию. Оно должно было выглядеть совершенно невинным, словно случайное столкновение...

Леся пробудилась на Васечкиной даче, отлично выспавшись, с чувством одновременно радостным и чуть горьковатым. Она попыталась понять, откуда взялся этот кисло-сладкий вкус. Она привыкла быть честной с собой, и ответ не замедлил явиться: тепло на сердце было оттого, что вчера она познакомилась с Васечкой. И огорчала ее мысль о нем же, потому что не знала, когда в следующий раз увидится с ним, да и увидится ли вообще. А если они встретятся, что будет дальше? Получится ли у них хоть что-нибудь? Пока удачных прецедентов в ее жизни не случилось...

Но чувства чувствами, а надо было жить и заниматься делом, а делом своим Леся сейчас считала расследование убийства продюсера. И у нее имелся мощный стимул для того, чтобы не медлить. Словно в компьютерной игре, все решала скорость. Кто окажется быстрее? Она вычислит убийцу – или милиция схватит ее? Только, в отличие у виртуальных баталий, сейчас все было наяву, всерьез. И, как она вчера сказала Нику, ни у кого, кроме нее, не было сильнее мотивации, чтобы раскрыть преступление, потому что на кону стояла ее свобода.

В актив себе девушка могла записать определенный опыт: одного преступника она уже в своей жизни вычислила². И образование: не зря же она училась на юрфаке да на «отлично» все сдавала, будем надеяться, что три курса даром для нее не прошли. Нет, в вузе их не учили находить убийц. Однако в университете здорово школили логике и умению ясно мыслить.

В пассиве оказывалось все остальное: и юный возраст, и очень скромный опыт, и отсутствие помощников. И то, что ее уже, возможно, разыскивают за то же убийство.

Итак, великолепным июльским утром – солнце заливало террасу – Леся проснулась на даче в Гречанинове. Набросила халатик и отправилась по тропинке в душ. Ночью прошел дождь, и трава была в росе. Птицы в ветвях деревьев щебетали уже умудренно, с достоинством: они успели выполнить предназначение нынешнего лета, создали пары и теперь выхаживали птенцов.

Леся заметила, что с соседнего участка поверх штакетника на нее пристально смотрит пожилая тетенька в платочке. Девушка остановилась и прокричала: «Здравствуйте!» Женщина не ответила и отвернулась. Леся пожалала плечами и нырнула в деревянную кабинку, уже нагретую утренними лучами.

Наскоро перекусив, доморощенная следовательница заперла дом, навесила на калитку замок и отправилась в ту сторону, куда махал давеча рукой Васечка, – на станцию. Оделась она в купленные вчера неформальные обновки в черных тонах – еще не успела насладиться ими.

Сережка в правой брови чесалась и мешала – то и дело хотелось до нее дотронуться, потереть.

К станции вела узкая дачная улица, немощеная, в ямах и лужах. На ней, как и в российской жизни, все смешалось: бедность и богатство, запустение, и роскошь, и кич. Облупленные домики, под стать Васечкиному, сменялись каменными особняками, многоэтажными теремами. Подзаборная растительность, сирень да шиповник, равняла богатых и бедных, а над головой смыкались кроны сосен, и казалось, что идешь по зеленому туннелю.

До станции оказалось недалеко, Леся дошла за двенадцать минут. По дороге она не встретила ни единого человека, только в просвете улиц, которые пересекала, порой мелькали автомобили.

² Подробнее о первом деле Леси можно прочитать в рассказе «Волны мести» (сборник «Плюс-минус вечность»).

Зато станционная площадь в сравнении с безлюдьем поселка показалась ей центром Вселенной. У дверей продмага три неорганизованные бабушки торговали клубникой, зеленым луком и рассадой. Официальные торговцы продавали под навесом заморские манго и персики, белишко, сигареты и обувь. В одном киоске радостно крутились на вертелах румяные куры-гриль, в другом предлагали разномастное читиво, в третьем холодильник соблазнял холодными пивом, водой и колой. Посреди площади стоял автобус, в него усаживалась небольшая очередь. Имелась даже пара таксистов, поджидавших богатеньких жертв.

А Леся огляделась, высматривая *свою* жертву. Известное дело: чтобы получить нужный ответ, важно не только верно поставить вопрос, но и задать его правильному человеку. К примеру, о свежем хлебе лучше справляться у бабулек. А Лесе был нужен осведомитель из совсем иной возрастной категории. Она наконец углядела подходящую персону – мальчика-подростка с велосипедом и мороженым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.